

Г.Э. Щеглов

*Год
1863*

*ЗАБЫТЫЕ
СТРАНИЦЫ*

ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО
В ЧЕСТЬ СЯГОГО АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА
В Г. МИНСКЕ, 2007

УДК 271,22(470+571)-726.3

ББК 86.372

Щ 33

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Филарета,
Митрополита Минского и Слуцкого,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси*

Щ 33 **Щеглов Г.Э.**

Год 1863. Забытые страницы. — 2-е изд., доп. — Мн.: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. — 98 с.

ISBN 978-985-6484-59-2

УДК 271,22(470+571)-726.3

ББК 86.372

ISBN 978-985-6484-59-2

© Г.Э. Щеглов, 2005

© Г.Э. Щеглов, 2007, изм.

К читателю

Первое издание настоящей книги вышло в 2005 году* и было посвящено памяти священника Минской епархии Даниила Конопасевича, убитого повстанцами во время польского восстания 1863–1864 годов.

Читательский интерес к книге и отзывы, которые довелось слышать автору, побудили к мысли о подготовке второго, дополненного издания. В читательских отзывах был высказан и ряд пожеланий, например, одни хотели бы обстоятельнее ознакомиться с подробностями подготовки восстания 1863–1864 годов, других более интересовали бытовые стороны того времени, третьи высказывали кое-какие критические замечания. Однако главной причиной, окончательно определившей появление в свет настоящего издания, была просьба об освещении судьбы другого церковного служителя, пострадавшего в Минской епархии во время восстания 1863–1864 годов от рук повстанцев — псаломщика Федора Яковлевича Юзефовича.

Во время работы над вторым изданием пожелания, высказанные читателями, автором были учтены и удовлетворены в той или иной степени. Так появилась новая глава, посвященная судьбе псаломщика Федора Юзефовича, а все, что касалось дальнейшей о нем памяти, нашло место в главе последующей. Относительно подробностей подготовки и развития восстания 1863–1864 годов надо заметить, что настоящая книга не является специальным исследованием, посвященным восстанию, потому читательская просьба по этому поводу удовлетворена в новом издании отчасти. Что касается бытовых подробностей, то, к сожалению, документы, оказавшиеся в распоряжении

* Щеглов Г.Э. 1863-й. Забытые страницы. — Мн.: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2005. — 60 с.

автора, не избилуют таковыми, а измышление их в угоду колоритности изложения неуместно в историческом исследовании.

Надо сказать, что во втором издании нашли место некоторые новые материалы, касающиеся личности священника Даниила Конопасевича, а также других лиц, упоминаемых в книге.

Теперь несколько слов о самой книге и о тех, кому она посвящается.

Первые сообщения об убийстве священника Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича, появившиеся в печати в 1863 году, носили, разумеется, ограниченный, не совсем достоверный и в некотором смысле тенденциозный характер. Между тем информация, представленная в этих сообщениях, стала на многие годы «хрестоматийной».

С оживлением в начале XX века в Минской епархии внимания к трагическим судьбам священника Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича в «Минских Епархиальных Ведомостях» появился ряд публикаций, посвященных их памяти. Эти публикации, представлявшие собой воспоминания родственников или очевидцев событий, дали замечательный материал к их жизни и намного прояснили обстоятельства их смерти.

События, происходившие в стране после октябрьского переворота 1917 года, и развернувшиеся гонения на Веру и Церковь Христову, по сути, погребли историческое, а в особенности церковное прошлое для новых поколений уже советских людей. Произошла историческая метаморфоза, которую можно назвать разрывом или разломом времен. Под спудом забвения оказались тысячи удивительных судеб, а события прошедшей истории рисовались в ином свете и с иными резонами.

Но вот сегодня, сквозь время, сквозь бури социальных и политических потрясений, снова проступают имена, события, звуки давно минувших дней и эпох, оживляется интерес к нашему историческому прошлому. И среди этих имен и событий вновь проступают имена священника Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича.

Обстоятельства смерти упомянутых церковных служителей не оставили в свое время автора равнодушным к их судьбам и побудили к собиранию материалов, связанных с их жизнью.

Во время работы в Национальном историческом архиве Беларуси в поисках документов, связанных с судьбами священника Даниила Конопасевича и Федора Юзефовича, автор книги с горечью обнаружил, что безвозвратно утрачен ряд дел, хранившихся некогда в фонде Минской духовной консистории (фонд 136). Так, в фонде отсутствуют дела: «Об убиении польскими мятежниками Богушевичской церкви Священника Даниила Конопасевича и об оказании семейству его пособия» (№51622 по старой описи); «Об убиении польскими мятежниками Святовольской церкви дьячка Федора Юзефовича» (№51648 по старой описи); «Об открытии подписки на содержание памятника над могилой замученного поляками Священника Даниила Конопасевича, в Богушевичах» (№53475 по старой описи); «О метриках Алексия и Людмилы Конопасевичей и послужном списке Священника Даниила Конопасевича» (№53837 по старой описи). Когда и при каких обстоятельствах исчезли из фонда эти дела, и было ли их исчезновение случайностью, сказать сейчас трудно. Но факт остается фактом.

В процессе работы над книгой автор старался критически подходить к источникам, оказавшимся в его распоряжении, и вынужден был даже менять оценку в

отношении некоторых лиц и событий. Так, например, в книге пересмотрена оценка личности помещика Болеслава Свенторжецкого, считавшегося в свое время главным виновником смерти священника Даниила. Уточнены некоторые даты, имена, хронология событий восстановлена с большей ясностью.

Глава I

Вехи истории

Чтобы правильно понять события, о которых будет рассказано ниже, необходимо хотя бы в общих чертах представить ту историческую обстановку и атмосферу, в которых они происходили.

В 1569 году на сейме в городе Люблине состоялась так называемая Люблинская уния — объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского, а вернее, при сильном политическом давлении произошло присоединение территорий Литовского княжества к Польской Короне. Удивительно пронизательные слова сказал тогда на одном из сеймовых заседаний от имени литовско-белорусских послов жмудский староста Иван Ходкевич: «Неприятель во время перемирия не нарушал собственности, а нас, живущих в вечном мире и братстве с вами, господа поляки, лишаете нас этого права. Справедливости мало на земле! Но Бог такой несправедливости не потерпит: рано или поздно расчет будет»¹. С большой скорбью и со слезами принимали тогда акт объявления унии литовско-белорусские послы.

В результате Люблинской унии исконно русско-украинские и белорусско-литовские земли с преобладающим православным населением и самобытной культурой оказались подчиненными католической Польше, в которой сосредоточивалась теперь вся законодательная власть. Так образовалась Речь Посполитая.

Со времени принятия Люблинской унии началась постепенная полонизация Белоруссии, а вместе с ней и более активное распространение римского католицизма. Все чаще и чаще белорусские земли стали переходить в руки польских владельцев и ополяченной местной шляхты, полу-

¹ Цит. по: *Афанасий (Мартос), архиепископ*. Беларусь в исторической и государственной жизни. — Минск, 1990. — С. 39.

чавших земельные угодия от польских королей в награду за военную службу. Эти владельцы закрепили за своими землями местных крестьян, лишив их права переходить в другие места. Сеймовым законом 1573 года крепостное право в Речи Посполитой было установлено окончательно, а третий Литовский статут 1588 года еще раз подтвердил его. Ни в одной европейской стране крепостное право не приобрело такие уродливые формы, как в Речи Посполитой, где владельцы самовластно и по своим прихотям распоряжались даже жизнью принадлежавших им «хлопов». На белорусских землях ситуация сложилась еще хуже. Здесь белорусское крестьянство находилось в крепостной зависимости у польских или ополяченных панов и магнатов, считавших себя частью единой «польской шляхетской нации» и не желающих иметь с местным населением ничего общего ни по крови, ни по вере, ни по культуре. Ничего не изменила и принудительная религиозная уния 1596 года; шляхетство воспринимало ее, как и православие, верой второго сорта — для «быдла». Жестокость крепостных порядков в Белоруссии поражала не только западных путешественников, но даже российских дворян, тоже крепостников, которые единогласно находили положение белорусского мужика непереносимым².

Такое положение вещей естественно вызывало противоречия, порождавшие разного рода негативные явления во взаимоотношениях между этими двумя национально-сословными стихиями, приводившие к взаимной вражде и острым конфликтам.

Значительную роль в полонизации края играло католическое духовенство, также состоявшее преимущественно из поляков. Для его пополнения подготавливались кадры в многочисленных польских католических школах, нахо-

² *Трещенок Я.И.* История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период: Учебное пособие. — Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. — С. 55–56.

дившихся на содержании иезуитов. Множество поляков, занимавшихся торговлей и служивших в урядах, селилось в городах. Обслуживающее их католическое духовенство занималось одновременно и миссионерством среди белорусского мещанства.

Серьезные изменения в жизни белорусских городов произошли в середине XVII столетия, связанные с событиями национально-освободительного восстания в Западной Руси и русско-польской войны. После отступления из Белоруссии русских войск большая часть торгово-ремесленного населения, как добровольно, так отчасти и принудительно, переселилась в Россию. Лишившиеся городских доходов польская казна и частные владельцы городов — магнаты, стали в массовом порядке заселять белорусские города еврейскими общинами — «кагалами», переселявшимися из Польши и Германии.

В результате этих процессов города Белоруссии к концу XVIII столетия практически потеряли свой белорусский облик, и только деревня еще сохраняла национальные религиозно-культурные корни и традиции.

Как государство Речь Посполитая во все время своего существования изобиловала массой разнообразных внутренних противоречий, подрывавших ее жизнеспособность. Одним из роковых факторов, губивших Речь Посполитую, была ее постоянная борьба против России и православия вне и внутри государства. Непрестанные притеснения по религиозному и национальному признаку обширных слоев населения со стороны польского правительства, преследовавшего известные политические и конфессиональные цели, вызывали в народных массах крайнее недовольство, выливавшееся время от времени в кровавые бунты и восстания, а с внешней стороны приводили к военным конфликтам с православной Россией. Уже к середине XVIII столетия в Речи Посполитой назрел глубокий внутренний кризис, который неминуемо вел ее к

окончательному упадку. Бездействующие законы, беспорядок на сеймах, пустующая казна, крайнее бесправие народа, неограниченная свобода и своеволие шляхты с их «*liberum veto*», нравственная анархия среди правящего сословия, не имеющий реальной власти король, плохо подготовленное и недисциплинированное войско, и на этом фоне религиозная борьба двух половин государства — вот состояние, к которому пришла Речь Посполитая накануне своего политического разрушения.

Обострившиеся внешние конфликты на фоне внутреннего разложения привели к тому, что в 1772 году произошел первый раздел Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией. К России перешла тогда вся восточная Белоруссия — Полоцкое, Витебское, Мстиславское и Минское воеводства. В 1793 году состоялся второй раздел, по которому Россия получила всю остальную Белоруссию, Украину, Подолию и восточную часть Полесья и Волыни. В 1795 году произошел третий — окончательный раздел Речи Посполитой, приведший к исчезновению этого государства с карты Европы. Более двух столетий прошло со времени Люблинского сейма, и прозвучавшие на нем слова Ивана Ходкевича исполнились с удивительной точностью: Польша потеряла не только присоединенные к ней тогда территории, но и собственную независимость.

Когда в Варшаве появился со своими войсками Наполеон Бонапарт, он был встречен там с большим энтузиазмом. Поляки надеялись с его помощью возродить свою утраченную государственность. По Тильзитскому миру 1807 года из части прусской и австрийской Польши было создано Великое герцогство Варшавское, отданное курфюрсту саксонскому, но находившееся под верховной властью французского императора. На территории Варшавского герцогства и Восточной Пруссии Наполеон разместил свою Великую армию, готовя ее к вторжению в Россию. Около половины этой армии составляли войска, набранные из многих стран

Европы — итальянцы, немцы, швейцарцы и др. пятый корпус Великой армии был сформирован из польской шляхты и находился под командованием племянника последнего польского короля Юзефа Понятовского. Когда в 1812 году армия Наполеона вторглась в Белоруссию, местные помещики и шляхта массово стали переходить на службу к оккупантам, принимали обязательства снабжать французские части продовольствием и фуражом, посылали своих сыновей в польский корпус. В отличие от них белорусские крестьяне развернули против захватчиков масштабную партизанскую войну, не прощая предательства вместе с тем и местным помещикам³.

В войне 1812 года поляки запомнились русским своей жестокостью. «В Москве народ особенно ненавидел и боялся тех французов, — пишет профессор М.О. Коялович, — которые понимали по-русски и говорили по-русски. Это были поляки»⁴.

С поражением Наполеона рухнули и надежды поляков на обретение политической независимости. Преследуя остатки французской армии, русские войска заняли Польшу. Помня жестокости поляков в России, они «пылали народной ненавистью к неблагодарной стране и готовы были превратить ее в пустыню»⁵. Но Польшу от этого бедствия спас император Александр I. Он простил полякам их участие в войне, выступив, таким образом, их благодетелем.

На Венском конгрессе 1815 года произошел новый (четвертый) раздел польских земель, по которому к России отошла часть Варшавского герцогства под именем Царства Польского. И с тех пор Польша, с ее неудержимым стрем-

³ Там же. С. 115–116.

⁴ Коялович М.И. Чтения по истории западной России. — Минск: «Беларуская Энцыклапедыя», 2006. — С. 298.

⁵ Там же. С. 298–299.

лением к независимости, стала постоянным источником внутренних проблем для Российской империи и особенно ее западных окраин, источником, оказывавшим негативное влияние на всю государственную жизнь.

Александр I предоставил тогда Польше весьма прогрессивную конституцию: страна получила собственный сейм, судебную и финансовую систему, полицию и вооруженные силы, таможенную границу с Россией. Все образовательные и административные учреждения функционировали на польском языке.

Однако польская конституция 1815 года очень скоро сделалась камнем преткновения и источником недоразумений между поляками и русским правительством. Уже на втором сейме 1820 года проявилось резко оппозиционное настроение: не были приняты предложенные правительством проекты законов. Третий сейм 1825 года привел почти к формальному разрыву между поляками и российским правительством. Незадолго перед тем (ок. 1817 года) в Польше начали формироваться тайные общества, которые взяли на себя подготовку вооруженного восстания. Майор Валериан Лукасинский основал общество национальных масонов. Существовали еще общества «патриотов», «друзей», «промышленников» (в Вильне), «тамплиеров» (на Воыни) и др. Дважды представители тайных польских обществ пытались войти в сношение с декабристами, но переговоры их ни к чему не привели. Шла пропаганда и в армии через сочувствовавших идее восстания офицеров, в результате чего в некоторых полках возникли революционные общества. Начавшемуся движению широко содействовало католическое духовенство. В стороне оставался один лишь простой народ.

Надежды поляков заметно оживились после объявления Россией в 1828 году войны Турции.

В конце 1830 года в Варшаве вспыхнуло восстание. 13 января 1831 года сейм объявил династию Романовых

лишенной польского престола, и вскоре началось военное противостояние. Однако осенью того же года, после многочисленных и кровопролитных столкновений, русские войска подавили восстание.

После этих событий конституция 1815 года в Царстве Польском была отменена, были ликвидированы польский сейм, армия, национальные деньги, отменена большая часть автономных прав.

Тем не менее не прерывавшаяся революционная деятельность польской эмиграции, даже после подавления восстания, держала все Царство Польское в постоянном напряжении, и только железный режим наместника, князя Ивана Федоровича Паскевича, не допускал серьезных осложнений. При этом поляки пользовались любой возможностью противостоять России. С началом Крымской войны 1853–1856 годов руководство главного революционного союза польской эмиграции — «Демократического общества», основанного еще в 1832 году, выслало своих эмиссаров в Польшу с целью поднять восстание, но призывы их не имели успеха. Тогда решено было сформировать польские легионы для борьбы с Россией на театре военных действий. Чтобы организовать польское войско, в Стамбул (Константинополь) отправился известный польский поэт Адам Мицкевич. Однако хлопоты польских патриотов окончились почти ничем. Лишь польский писатель Михаил Чайковский, принявший магометанство с именем Мохаммед Садык-паша и перешедший на турецкую службу, набрал отряд так называемых султанских казаков, состоявший из поляков, армян, цыган, евреев, турок и др., с которым принял участие в военных действиях против России. Еще горсть поляков действовала на Кавказе против русских войск, помогая черкесам.

Об этом времени впоследствии один из виднейших деятелей польского национального движения Оскар Авейде

писал: «Исповедуя старую веру и видя безвыходное положение края, восторженные деятели наши проповедовали нам, что главным врагом нашим является — русское правительство, что единственные узы, могущие существовать между ним и нами, это узы вечной непримиримой ненависти и недоверия; что спасти отечество можно только войной, восстанием...»⁶.

Несмотря на постоянные провокационные действия поляков в отношении России, император Александр II, вступив на престол, заметно смягчил жесткий курс в отношении Царства Польского. Была объявлена амнистия участникам восстания 1830–1831 годов, снята цензура с произведений некоторых революционно настроенных польских писателей, в том числе и А. Мицкевича. В 1857 году в Варшаве была открыта медико-хирургическая академия и учреждено Земледельческое общество. Однако именно с этого времени поляками начинают предприниматься попытки организации нового восстания. Кроме нескольких тайных обществ обычного типа, повсеместно стали организовываться революционные кружки по системе «троек», которые в совокупности должны были составить громадную и тесно сплоченную организацию. Каждый рядовой член кружка знал только двоих участников и десятника, чем значительно затруднялось для властей раскрытие заговора.

Новые волнения в Царстве Польском начались в период наместничества князя Михаила Дмитриевича Горчакова. Первой открытой манифестацией стали устроенные молодежью 10 июля 1860 года торжественные похороны вдовы деятеля 1831 года генерала Совинского. Более значительными были манифестации 15 февраля 1861 года, ознаменовавшие

⁶ К истории польского восстания 1863 г. (Неизвестная рукопись Оскара Авейде: «Краткий очерк последних событий в Польше 1861–1864 гг.») // Красный архив. — 1933. — №2. — С. 110.

30-летнюю годовщину восстания и особенно годовщину Гроховского сражения.

Манифестации эти готовились заранее. Начиная с ноября 1860 года из всех бывших польских провинций в Варшаву стали приглашать помещиков, в обществе открыто говорили о праздновании годовщины «революции» 1831 года. В феврале 1861 года в Варшаву съехалось более 2000 человек под предлогом генерального заседания Земледельческого общества. Жители столицы еще осенью были подготовлены к уличным беспорядкам. Нужны были, как говорили помещики, жертвы. 15 февраля толпа народа, под видом религиозной процессии, двинулась с шумом к замку, и, встретившись в Краковском предместье с войсками, начала бросать в военных камнями и грязью. Раздались выстрелы. Хотя солдатам было приказано стрелять вверх, все же по неосторожности было убито пять человек, один из которых находился на балконе дома. Цель была достигнута — жертвы пали, «минута сделала их мучениками свободы». За этим последовало величественное погребение погибших, начался глубокий траур и вместе с этим польские деятели стали шуметь перед Европой о беззащитности мирного населения и варварстве русских. Эта трагедия, так искусно использованная, увеличила симпатию к полякам даже среди многих русских, находившихся в Царстве Польском.

После указанных событий многие из членов Земледельческого общества сразу же разъехались по провинциям, чтобы настроить там против правительства сельское население. Прибывши в свои имения, они собирали народ и рассказывали разные небылицы о Варшаве, например, «что москали порубали святой крест и убивали помещиков за то, что те хотели отдать бесплатно народу землю»⁷. Помещиков открыто

⁷ Относительно слухов о том, что помещики планировали отдать крестьянам землю, нужно заметить, что Земледельческое общество высказывалось лишь за необходимость замены пансины денежным чиншем и за выкуп крестьянами своих наделов путем постепенного погашения капитала.

поддерживало с костельных кафедр католическое духовенство. Однако крестьяне хладнокровно и с недоверием выслушивали тех и других, отвечая тем, что начали отказываться работать на помещиков. Вскоре отказ от панщины принял массовый характер, захватив десятки тысяч крестьян. «Если правда, — резонно замечали они, — что вы хотели дать нам землю, так зачем же вы теперь требуете от нас панщины?» Видя опрометчивость своей агитации, помещики обратились за помощью к местной администрации с требованием применения к крестьянам экзекуций. Были посланы военные команды и во многих местах употреблены строгие меры наказания, которыми и принудили крестьян по-прежнему отбывать панщину. После ухода команд помещики, указывая на экзекуции, ими же самими вызванные, стали убеждать крестьян в нерасположении правительства к сельскому населению. Они призывали их не надеяться на правительство, а полагаться во всем лишь на помещиков, которые якобы только одни и могут устроить их благосостояние. Такая пропаганда, хотя и волновала крестьян, однако не поколебала их верность царю и российскому правительству.

Мощным толчком к восстанию послужил и манифест 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права. Манифест с сокрушительной силой ударял по материальному благосостоянию польской знати, столетиями строившемуся на безжалостной эксплуатации крепостного крестьянства. Известие об освобождении крестьян в России разошлось и в Польше. Здесь надежда крестьян на монаршую милость проявилась в характере чисто враждебном к помещикам, в недоверии к ксендзам и местным административным чиновникам, так что крестьяне нередко обращались с жалобами или вопросами к «русским» священникам или начальникам военных команд, надеясь от них узнать правду.

Между тем в Варшаве, после февральских манифестаций, образовался из выборных лиц комитет общественной безопасности, а охрана порядка в городе была отдана в руки

гимназистов и студентов. Клуб купеческого собрания обратился в политический. «Городом и целым краем управляла Варшавская делегация, делегацией — клуб, а клубом — толпа и молодежь», — вспоминал Оскар Авейде. Манифестации религиозные и нерелигиозные буквально посыпались по всему Царству Польскому и Западным губерниям⁸.

В начале апреля в Варшаву прибыл маркиз Александр Велепольский с новой системой управления, во главе которой он был поставлен. Велепольский сразу же закрыл Земледельческое общество, Варшавскую делегацию, полицию и Купеческий клуб. По его указанию на площадях были расставлены солдаты, а собрания и пение запрещены. Естественно, эти меры вызвали недовольство варшавского общества, и оно решило выразить свой протест. 7 апреля масса городского народа, собранная на площади возле здания кредитного общества, разными улицами двинулась к замку. Наместник князь Горчаков выехал на площадь и с кротостью увещевал толпы разойтись по домам. Отвечая на его увещевания оскорблениями, толпа требовала удалить с площади войска. Великодушный князь, не желая пролития крови, приказал военным отойти. В толпе раздались крики: «Победили! Победили!», и вся масса народа двинулась от замка по разным частям города. На другой день, 8 апреля, повторилась та же история, однако на этот раз власти вынуждены были применить уже вооруженную силу и решительно воспретить уличные беспорядки.

С этого времени единственным местом политических демонстраций стали костелы: там зазвучали революционные гимны и с невероятной быстротой распространились по всей стране. Смерть князя Горчакова была отпразднована

⁸ Под Западными губерниями, или Западным краем (Северо-Западным краем), в литературе, как правило, разумелись губернии Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская.

поляками торжеством: носимый до этого траур был сброшен на три дня во всем Царстве Польском, в публичных местах играла музыка, в частных домах устраивались танцы. С новой силой возобновились уличные беспорядки и развились почти до анархии. В Варшаве публично продавали печатные воззвания и плакаты с разными символическими украшениями. В них проповедовались ненависть к «москалям» и восстановление старой Польши с Литвою и Русью. Жители Варшавы приглашались на «набоженство» от имени сословия, цеха, корпорации и т.д. Перед этим собирались деньги по домам, магазинам, мастерским, кондитерским от имени заказывавших «набоженство», и горе тому, кто отказывал в подавании. Анархия, которой покровительствовали ксендзы, развилась до того, что разбивали кондитерские, грабили магазины и мастерские и избивали до полусмерти, разрезая щеки и отрезая уши не только мнимым шпионам, но даже лицам, подозреваемым в недостатке патриотизма. Провинции во всем подражали Варшаве.

Несмотря на нарастающее политическое напряжение в Царстве Польском, император Александр II продолжал политику примирения и уступок. Еще в марте 1861 года появился указ, даровавший Царству Польскому автономию. Создавался Государственный совет Царства — высший совещательный и контрольный орган. Формировалась польская гражданская администрация и выборное местное самоуправление — губернские, уездные и городские советы⁹. Однако надежды Российского правительства на водворение порядка примирительной политикой и реформами не давали желаемого результата. Ряд покушений на жизнь нового наместника Царства графа Александра Лидерса, великого князя Константина Николаевича и маркиза Александра Велеполь-

⁹ Воронин В.Е. Польское восстание 1863–1864 гг. — <http://www.portal-slovo.ru/rus/history/49/61/111/>

ского, а также все возраставшие волнения требовали более решительных мер. С целью изолировать опасные элементы, по решению Велепольского, на 3 января 1863 года был объявлен рекрутский набор, причем в списки призывников были внесены большей частью участники манифестаций. Эта недалновидная мера, по сути, спровоцировала начало открытого восстания. Уклонившиеся от набора вышли из Варшавы и бежали в леса, к ним присоединились мелкая шляхта, официалисты, аппликанты, экономы, дворовые люди помещиков, и таким образом были образованы первые повстанческие отряды. Общее руководство восстанием приняло на себя так называемое временное народное правительство — «жонд народowy». Начавшись в Царстве Польском, восстание вскоре распространилось на территории Белоруссии и Литвы, где оно было инициировано и поддержано в основном местным польским элементом и католическим духовенством.

Говоря о состоянии Западных губерний, и в частности Белоруссии, накануне восстания, нужно отметить, что здесь практически вся гражданская власть находилась в руках поляков, относившихся с нескрываемой ненавистью и презрением к русскому правительству. Если в Царстве Польском, с преобладающим польским населением, революционные идеи находили относительно широкое сочувствие, то в Белоруссии и Литве оппозицию русскому правительству в основном составляло польское или ополяченное дворянство — шляхта и католическое духовенство. Эти два сословия, имевшие огромное влияние и значение во времена Речи Посполитой, пользовавшиеся привилегиями и обладавшие большими богатствами, не могли забыть своих прежних вольностей и всеми мерами стремились к их возвращению — к «отбужданию» старой вольной Польши. При этом надо отметить, что дворянство здесь имело исключительное влияние на материальные

и культурные стороны общественной жизни. Почти 3/4 земельного, то есть главного богатства края принадлежало помещикам польского происхождения. О преобладании польской культуры нечего и говорить. В то время как русские школы только начинали появляться, в крае царил польский язык, польская книга, польская газета, польская наука, разговорным языком был польский, на котором велась часто и официальная переписка.

Представляя сплоченную общественную группу, объединенную национальными корнями и одной политической идеей, польское дворянство, при самом небольшом исключении, входило в так называемую партию «белых», исходным пунктом политической программы которой было восстановление шляхетской Польши в пределах 1772 года, то есть в границах Речи Посполитой. Способом привлечения на свою сторону местного непольского населения партия считала его ополячивание и окатоличивание, главным орудием чего было образование и прежде всего школа.

Не обращая внимания на теоретические рассуждения местной русской администрации о недопустимости навязывания польского языка всему населению Западных губерний, помещики усиленно открывали сельские, ремесленные и воскресные школы с преподаванием на польском языке и по польским букварям, заводили библиотеки, наполненные тенденциозной польской литературой¹⁰. Они всячески стремились взять дело образования в свои руки и утвердить здесь свое влияние.

В этом стремлении им способствовал главным образом недостаток школ при возрастающей тяге к образованию и недостаток русских культурных сил в крае.

¹⁰ Белецкий А.В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. — Вильно, 1902. — С. 24.

Приходские училища в финансовом отношении были в полной зависимости от городских управлений, и там, где состав этих управлений был польским, поляки естественно имели решающее влияние: преподавательский состав подбирался по их усмотрению, все русское вытеснялось, и, напротив, поощрялось все польское¹¹.

Расширяя свое влияние, поляки начали повсеместно открывать частные школы. Ксендзы устраивали школы при костелах, помещики — при своих имениях. Учителя этих школ, не имея никакой специальной педагогической подготовки, отвечали лишь личным требованиям и желаниям приглашавших их организаторов школ. Преподавание там велось на польском языке, учебники, одобренные Министерством народного просвещения, заменялись своими, составленными на польский лад. Вот один из типичных примеров, иллюстрирующих специфику преподавания в частных школах. Произошел он в народной школе Новоселковского прихода в Игуменском уезде Минской губернии. В 1861 году местный помещик-поляк Крупский неожиданно начал оказывать материальную помощь школе, и вскоре там появился учитель, студент Киевского университета, некто Легенза — протеже помещика Крупского. Как-то раз, во время отсутствия в школе местного священника Фомы Русецкого, Легенза принес в класс картины из Священной истории и при объяснении одной из них — «Распятие Спасителя», указывая на римских воинов, сказал: «То są moskale» (это москали)¹². Случай этот стал известен и вызвал возмущение священника, запретившего Легензе преподавать все, кроме русской

¹¹ Утрата С., диакон. Восстание 1863–1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии (рукопись). — Жировичи, 2000. — С. 13–14.

¹² Летопись Новоселковской Покровской церкви, Игуменского уезда // Минские Епархиальные Ведомости. — 1877. — №20. — С. 413.

грамоты. В 1862 году помещик Крупский открыл школу в своем доме, где Легенза начал учить детей на польском языке и в польском духе¹³.

Цель была одна — взяв в свои руки воспитание молодежи, сделать из нее «добрых поляков». Ни помещики, ни ксендзы этого и не скрывали. Но школа была лишь одним из орудий в руках польского дворянства. В ход шли и другие меры влияния на простой народ.

Чуждое народу, неспособное приблизиться к нему по духу, польское дворянство с целью вовлечь народ в повстанческое движение все же искало сближения с ним. Соприкасаясь с народом в обыденной жизни, помещики всячески старались привлечь крестьян на свою сторону: читали им революционные прокламации и многообещающие манифесты, заставляли учить и петь польские гимны, старались вовлечь в антиправительственные манифестации, в дни польских национальных праздников освобождали крестьян от барщины. Однако очевидно, как много лжи, лицемерия, неискренности было во всех этих заигрываниях помещиков с подневольным народом, чье человеческое достоинство столетиями ими же унижалось, религиозные чувства оскорблялись, а весь уклад жизни презирался. Теперь же они в своих прокламациях называли народ братьями и внушали, что «русский царь ничего для них хорошего не

¹³ Упомянутая школа по ходатайству Минского Преосвященного Михаила (Голобовича) в том же 1862 г. была закрыта, а Крупский попал на несколько месяцев под арест в г. Игумен. В 1863 г. во время начавшегося польского восстания в Новоселки пришел польский отряд, чтобы расправиться со священником Фомой Русецким. Однако отряд был встречен местными крестьянами, которые пытались защитить своего священника. Поляки пустили в ход оружие — четверо крестьян были убиты и десять человек ранены. Благодаря мужеству крестьян повстанцы не осмелились вступить в селение, а вынуждены были уйти в лес. Вместе с ними ушел и Легенза. Впоследствии помещик Крупский за причастность к восстанию был сослан на каторгу.

сделал», почему и надо восстать на него войной. Но помещикам не нужны были крестьяне-братья, им просто нужна была грубая мужицкая сила для успешной борьбы за свои польские национально-сословные интересы.

Прямую заинтересованность в восстании имело и католическое духовенство. Сформировавшееся в стройную политическую организацию еще со времен польских королей, оно было проникнуто стремлением расширить церковные владения Папы и вернуть себе привилегированное положение в обществе путем восстановления старой Польши с господством в ней католицизма и польского духовенства.

Как уже было сказано, ко времени восстания поляки практически наполняли в Белоруссии все правительственные учреждения. Наиболее влиятельную и сплоченную группу представляли чиновники-дворяне, служившие по выборам: предводители дворянства, уездные судьи и мировые посредники. Первые, утвержденные в должностях Сенатом, являлись независимыми и даже не могли сменяться местными губернаторами. Такое привилегированное положение предоставляло им прекрасную возможность проводить антиправительственную политику. Главными же действующими лицами, повлиявшими на народ, были мировые посредники. Близко общаясь с крестьянами, они воздействовали на них своей властью, чтобы те беспрекословно во всем слушались помещиков. Действуя через подчиненных себе сельских писарей, старшин и старост, мировые посредники старались настроить крестьян против правительства, представляя все его действия в превратном свете. Кроме этого, пользуясь свободой в передвижении, они, под предлогом служебных обязанностей, были душой всех съездов и собраний дворянства, имевших целью подготовку восстания¹⁴.

¹⁴ Утрата С., *диакон*. Указ. соч. — С. 17–18.

Отсутствие твердой и согласованной политики русского правительства в деле управления Западными губерниями, преобладание среди чиновников лиц польского происхождения, покровительство польским магнатам в высших правительственных сферах, недостаточный контроль над деятельностью общественных организаций и школ, находившихся в руках поляков, создали такое положение в крае, что польское влияние здесь стало преобладающим и революционная пропаганда встречала на своем пути весьма слабое сопротивление, а иногда и никакого¹⁵.

Продолжительное польско-католическое влияние наложило свой отпечаток на весь облик края. Для российских чиновников, приезжавших сюда в этот период, край представлялся католическим и польским. Их официальные докладные записки и мемуары наглядно представляют, как поражало их на первых порах множество католических часовен, придорожных крестов и статуй, богатство и величание костелов и бедность православных церквей, часто ветхих и тесных. Даже более новые из них имели архитектуру униатских церквей, близкую к костелам. Несмотря на то что со времени воссоединения униатов прошло уже несколько десятилетий, православное сельское население не оставило усвоенных им униатских привычек. При встречах крестьяне вместо обычного приветствия «здравствуйте» говорили: «Нех бэндзе похвалены Езус Хры́стус», в церквах ложились «кшы́жем», ползали на коленях, пели католические «кантычки», после православной обедни шли в костел слушать «казанья» (проповедь) ксендза, а в торжественные дни вместе с католиками участвовали в костельных процессиях, носили хоругви, кресты и т.п.¹⁶ Все это, конечно

¹⁵ Там же. С. 19.

¹⁶ Миловидов А.И. Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. — Харьков, 1900. — С. 39.

же, содействовало латино-польской пропаганде и нередко завершалось совращением православных в католичество.

Не избежало в определенной степени полонизации и православное духовенство. Знание польского языка здесь было обусловлено жизненной необходимостью, так как на нем говорила большая часть населения и администрации края, только на этом одном языке можно было объясняться с помещиками. Последние же в то время владели не только почти всей землей, добывающей и обрабатывающей промышленностью края, но держали в своих руках и всю власть. При таком положении всякий помещик в приходе представлял собой силу, часто всемогущую, которую не осмеливалось ослушаться иногда даже епархиальное начальство, а тем более бедный сельский священник, поставленный при своей нищете и жалком обеспечении в материальную зависимость от пана, враждебного ко всему русскому и православному и не допускавшего в разговоре никакого языка, кроме польского. Материальная зависимость от помещика и крестьян унижала общественное положение православного священника и саму веру, которую он исповедовал. Не находя защиты ни в законе, ни у епархиального и гражданского начальства, духовенство было вынуждено ладить с помещиком-католиком, говорить на его языке, унижаться, стоять в передней помещика, а иногда и «падать до ног»¹⁷.

Практически при полном отсутствии в крае православного дворянства, чиновничества, купечества и мещанства представителями православного исповедания являлись лишь крестьяне и духовенство. Сравнение бедного, приниженного православного духовенства с более обеспеченным и уважаемым католическим приходило само собой и не могло не свидетельствовать о внешнем превосходстве последнего. Ближайшим выводом из этого было заключение, что пра-

¹⁷ Утрата С., *диакон*. Указ. соч. — С. 21–24.

вославие — действительно есть «вера хлѣпская»¹⁸. Однако при всем том именно православное духовенство часто оказывалось единственным представителем забитого, угнетенного сельского люда, защитником его человеческих прав и достоинства, единственным поборником за его «хлѣпскую веру» и «хлѣпскую народность».

Такая атмосфера царила в Белоруссии и Литве накануне польского восстания 1863—1864 годов. Само восстание, имевшее значение для поляков, помещиков, ксендзов и вообще для коренной Польши, не имело никакого смысла для православного белорусско-литовского населения Западных губерний. Великое заблуждение поляков было в том, что белорусско-литовские земли они считали своей законной вотчиной, а их население — рабской силой, призванной обеспечивать благосостояние своих владетелей. Национальное самосознание народа вообще не принималось в расчет, его просто не существовало для польской знати. Местное население, по ее мнению, могло что-то значить лишь в сени польской культуры. Но в этом коренился залог неуспеха польских начинаний. Оторванные от жизненных реалий, польские политические амбиции и устремления были обречены на полное фиаско, и история это доказала. Но тогда польское восстание обернулось очередной трагедией для жителей нашего края, принеся народу немало горя, слез и страданий. Среди многих невинно убитых повстанцами были и православные церковнослужители. О двоих из них, священнике Данииле Конопасевиче и псаломщике Федоре Юзефовиче, оказавшихся в водовороте тех трагических событий, мы и хотим рассказать.

¹⁸ Миловидов А.И. Указ. соч. — С. 56.

Глава II

Иерей-мученик Даниил

Даниил Конопасевич родился в 1832 году в селе Дороги Бобруйского уезда Минской губернии, где отец его — священник Стефан — служил настоятелем местной Рождество-Богородицкой церкви. Отец Даниила — Стефан Гаврилович Конопасевич — сам происходил из семьи священника. Окончив в 1821 году «курс философии» в Минской духовной семинарии, он был определен канцелярским служащим в Минскую духовную консисторию. 22 ноября 1825 года состоялось его посвящение в сан священника с назначением к Дорожской Рождества-Богородицкой церкви¹⁹. Место это — древнеродовой приход — он получил из рук священника Иоанна Минкевича, женившись на его дочери Матрене. Дорожский приход был замечателен тем, что на протяжении более 200 лет принадлежал священническому роду Минкевичей, переходя от отца к сыну. При этом все священники здесь носили непременно одно заветно наследственное имя — Иоанн Иоаннович. Интересно, что традиция эта, наследования имен, продолжалась вплоть до первых десятилетий XX столетия. Но самое главное то, что род Минкевичей был известен своим древним православием и никогда не переходил в унию на протяжении всего ее существования²⁰.

Происходя из этого древнего православного рода, мать будущего пастыря-мученика Матрена Ивановна сама была женщиной глубоко религиозной. Святые традиции древнего православного благочестия и христианского патриотизма она сумела привить и своим детям: Анастасии, Даниилу, Константину, Ольге и Анне²¹.

¹⁹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 40734. Л. 57 об.

²⁰ [священник] П[етр] С[ущинский]. К воспоминаниям о священнике Богушевичской церкви Д. Конопасевиче // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №11. — С. 262–263.

²¹ Анастасия впоследствии стала женой священника Голынской церкви Ильи Андреевского; Константин служил управляющим канцелярии Минского губер-

Получив хорошие религиозно-нравственные задатки в доме своих родителей, дальнейшее воспитание и образование Даниила продолжил в Слуцком духовном училище, после окончания которого в 1849 году поступил в Минскую духовную семинарию. По внутреннему складу, по силе устойчивых своих убеждений и взглядов Даниила уже в ранней молодости обращал на себя внимание окружающих своей удивительной цельностью и возвышенностью натуры, отличаясь всегда редким прямодушием, искренностью и неподкупной честностью. Среди возвышенных идеалов, наполнявших душу юноши, была заложена и глубокая любовь к Родине — ко всему родному, любовь ко всему православно-русскому.

Будучи с раннего детства воспитанным в православно-русской традиции, Даниила инстинктивно чуждался всего католического, польского и даже самих поляков, смотря на них всегда с некоторым недоверием. Как будто по некому тайному предчувствию своей души он старался избегать не только их общества, но по возможности и встреч с ними. Так, еще в бытность свою в Слуцком духовном училище, когда товарищи его так или иначе сходились с гимназистами, тогда бывшими большей частью поляками, Даниила сторонился их компании.

Есть сведения, что семья Даниила в годы учебы его в семинарии пострадала от соседей помещиков-поляков. Как-то во время проезда по Слуцко-Бобруйскому шоссе императора Николая I и перемене им в селе Дороги лошадей, местные крестьяне подали лично Государю жалобу о непомерном притеснении их помещиком-поляком. Составление этой жалобы местные паны, по одному лишь своему домыслу, всецело приписали Дорожскому священнику Стефану Конопасевичу, хотя никакого отношения к

натора, позднее исправником в г. Рогачеве; Ольга умерла в юности; Анна стала женой Подаговского, судебного пристава в Минске.

этому он совершенно не имел. В результате совместными их усилиями семья Конопасевичей в непродолжительное время оказалась разорена, и священник Стефан был смещен с благоустроенного наследственного Дорожского прихода²² на бедный и расстроенный приход — Кринки.

В июле 1855 года Даниил Конопасевич окончил полный семинарский курс. Желая принять священнический сан, он в сентябре обратился с прошением к Преосвященному Михаилу (Голубовичу), архиепископу Минскому и Бобруйскому с просьбой о выдаче ему «билета» на брак. «Известно мне, — писал он в прошении, — что никто, по правилам нашей Православной Церкви, не должен просить себе Священства иначе, как только по назначении к известной Церкви или приходу, и по вступлении в законный брак. А потому, будучи одушевлен сильным желанием иметь Священный сан, покорнейше прошу, по усмотрению Вашего Высокопреосвященства, предоставить за мною приход и повелеть, кому следует, выдать мне Билет на женитьбу»²³. К этому времени Даниил уже имел невесту. Это была семнадцатилетняя девушка, круглая сирота, дочь соборного священника уездного города Дисна Виленской губернии Елена Ивановна Турцевич. После смерти родителей она жила и воспитывалась у своего деда по матери — священника Михаила, служившего в то время в селе Лошница Борисовского уезда Минской губернии²⁴.

Получив разрешение епархиального начальства, Даниил и Елена 19 февраля 1856 года были обвенчаны.

Подготавливая документы к рукоположению Даниила Конопасевича в священный сан, епархиальное начальство за-

²² В 1853 г. на Дорожский приход был назначен священник Антоний Савич (1830–1901), видимо это и есть время, когда Конопасевичи вынуждены были переместиться на другой приход.

²³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26597. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 7.

просило отзыв о нем по месту его жительства у Бобруйского благочинного, протоиерея Иоанна Филипповского. В своем рапорте отец благочинный писал, что «Даниил Стефанович Конопасевич, проживав в Бобруйском Благочинии, вел себя очень хорошо и занимался составлением проповедей, которые и произносил в разных церквах»²⁵.

Перед рукоположением в священный сан Даниил Конопасевич принес положенную для каждого ставленника так называемую генеральную верноподданническую присягу. Присяга приносилась императору Александру II и его наследнику великому князю Николаю Александровичу. В частности, в ней говорилось: «Аз нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хощу и должен Его Императорского Величества ... верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и при том, по крайней мере, стараться спешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благо временно объявлять, но и всякими мерами отвращать и недопускать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, ... и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет»²⁶.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же. Л. 11–11 об.

22 апреля 1856 года в Минском кафедральном соборе Преосвященный Михаил рукоположил Даниила Конопасевича во диакона, а через неделю, 29 апреля, состоялась его священническая хиротония. 16 мая отец Даниил получил «ставленную» грамоту с назначением к Крестовоздвиженской церкви в местечко Богушевичи Игүменского уезда²⁷, на место бывшего там ранее священника Михаила Малевича.

Имение Богушевичи в то время принадлежало польским магнатам Свенторжецким. В полуверсте от местечка на горе у реки Уса возвышалась их богатая усадьба. Напротив усадьбы ее хозяевами строился каменный, в готическом стиле костел. Саму усадьбу от местечка отделял огромный панский фруктовый сад.

Кроме Богушевич Свенторжецким принадлежали и другие имения, общий объем которых равнялся чуть ли не целому уезду. Одним словом, это были весьма крупные и зажиточные землевладельцы, пользовавшиеся большим влиянием среди окрестных помещиков.

До этого всеми делами в имении заправляла его хозяйка — Анна Алексеевна, прозываемая местными крестьянами Свенторжечиха. Пользуясь слабоволием своего мужа Чеслава Фаддеевича, она самовластно распоряжалась всем и во всем. В округе Свенторжечиха была печально известна своим чрезвычайным немилосердием в отношении к собственным крепостным «хлопам». Своей редкой жестокостью она уступала разве что только пресловутой кровожадной пани Паулине Стоцкой (рожд. Богуш), сосланной в свое время в Сибирь за крайне жестокое обращение с крестьянами. Рассказывали, к примеру, что своих прачек за неаккуратную стирку или глажение белья Свенторжечиха наказывала тем, что приказывала провинившихся гладить горячим утюгом по голому телу. Случалось, что за небольшие провинности после обычной экзекуции

²⁷ Там же. Л. 14.

на конюшне, виновных по ее распоряжению ставили в сажалку (копанный пруд), привязав веревкой к специально устроенному столбу. В осеннюю стужу многие не выдерживали этой пытки и мучительно умирали от побоев и переохлаждения²⁸.

Однако местная власть, долгое время закрывавшая глаза на дикие выходки помещицы, наконец вынуждена была обратить должное внимание на это вопиющее зло. Губернской властью было наряжено следствие, которое действительно выявило немалое число смертельных случаев от телесных истязаний. По приговору суда супруги Свенторжецкие были лишены права проживать в имении Богушевичи и высланы из него, а Чеслав Свенторжецкий, кажется, даже провел некоторое время в остроге. После этого Анна и Чеслав Свенторжецкие поселились близ Минска в своем имении Трясковщина (Тржасковщина)²⁹.

Некоторое время имением Богушевичи управлял назначенный дворянской опекой некто поляк пан Довнар. Но вот пришло время, и в Богушевичи прибыл, окончивший в 1853 году свое образование в Виленском дворянском институте, единственный сын и наследник Свенторжецких Болеслав³⁰. Женой его была пани Лаура Казимировна Завадская, племянница известного в свое время богача-магната Льва Ошторпа³¹,

²⁸ Мальцев Евгений, священник. На могилу о. Даниила Конопасевича // Минские Епархиальные Ведомости. — 1908. — №23. — С. 766–767.

²⁹ Свенторжецкий П[етр] С[ущинский]. Указ. соч. — С. 267–268.

³⁰ Свенторжецкий Болеслав Чеславич (1831—после 1864) — помещик. Родился в г. Минске. В 1853 г. окончил полный курс Виленского дворянского института, поступив на службу писарем в Минское дворянское депутатское собрание. Принял активное участие в восстании 1863–1864 гг. Был комиссаром объединенных повстанческих отрядов, действовавших в 1863 г. в Игуменском уезде Минской губернии. После восстания бежал за границу, где и умер.

³¹ Ошторп Лев Францевич (†1851) — действительный статский советник, командор мальтийского ордена и кавалер разных орденов, владелиц имения Дукора Игуменского уезда Минской губернии. Был в течение 15 лет уездным и 25 лет губернским предводителем дворянства (1823–1847).

бывшего между прочим крестным самого Болеслава. Болеслав служил писарем в Минском дворянском депутатском собрании. Проживал он то в Богушевичах, то в одном из имений своей супруги Черкасы, находившемся ближе к Минску.

В своем более человечном обращении с крестьянами молодой помещик значительно отличался от своих родителей, а по временам проявлявшиеся в нем унаследованные вспышки гнева³² были благополучно угашаемы его благонравной супругой Лаурой, которая, имея по природе мягкий и добрый характер, умиротворяюще влияла на своего мужа.

В свое время, живя сиротой на воспитании в доме своего дяди магната Ошторпа и видя там баснословную, доходящую до сумасбродства, небывалую роскошь его жизни и, можно сказать, королевскую обстановку его дворца — замка в Дукоре, Лаура, благодаря своей от природы тонкой наблюдательности, видела, чьими трудами добывается вся эта роскошь. Блистательно-роскошная жизнь дяди и рядом вопиющая нищета его подданных заставляли молодую пани задумываться над этим контрастом жизни, и в ее душе постепенно созревало сострадательное отношение к простым людям. Такое направление ее душевных чувств еще больше утвердилось после неожиданной гибели ее дяди-богача, перевернувшегося с экипажем с моста во время проезда из Минска в Дукору через реку Свислочь и заживо погребенного на дне реки в закрытой карете. Утвердившись, таким образом, в добрых и сострадательных взглядах, пани Лаура старалась впоследствии влиять и на своего мужа Болеслава, смягчая возникавшие в имении напряженные ситуации³³. В отличие

³² В 1859 г. возникло дело по обвинению Болеслава Свенторжецкого в том, что он выстрелил из ружья в крестьянина имения Леонорова Василия Харлановича при порубке им господского леса. Впрочем, вина его доказана не была (НИАБ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 525).

³³ [Священник] [Петр] [Сушинский]. Указ. соч. — С. 267–268.

от многих людей своего круга молодая Свенторжецкая не имела и того презрительного отношения к «хлопской вере», которое открыто выказывали паны-поляки к православным, и с неподдельным почтением относилась к Богушевичскому священнику Даниилу Конопасевичу.

В целом надо сказать, что отец Даниил пользовался в округе достаточным уважением. Появившись на приходе, он очень скоро снискал к себе любовь прихожан как человек добрый, доступный и некорыстолюбивый. При небольшом по тем временам годовом жаловании в 140 рублей он все требы исполнял даром, за что пользовался особой любовью у бедных крестьян. Кроме этого отец Даниил был и хорошим проповедником. Пользуясь уважением своих прихожан, он имел определенный авторитет и у соседних священников. Нередко они обращались к нему за помощью в составлении проповедей, особенно священники старшего поколения, выходцы из униатов. И отец Даниил никому не отказывал в этой услуге — писал для них проповеди на разные темы и, кроме того, по просьбе тех же священников, малоопытных еще тогда в канцелярской работе, составлял им метрические книги, годовые ведомости и отчеты по приходу. Делал это отец Даниил по дружбе, безвозмездно и с полной охотой. За это священники-соседи его любили и, зная, что он никогда не откажет, без всякого стеснения обращались к нему в затруднительных ситуациях. И, напротив, такая популярность православного священника не могла не вызывать неприязни у католиков-поляков³⁴. Не обходилось без некоторых эксцессов и с местным помещиком Свенторжецким.

³⁴ Конопасевич А. Воспоминания о жизни и мученической кончине в 1863 году священника Богушевичской Крестовоздвиженской церкви Минской губернии Даниила Стефановича Конопасевича, записанные сыном его, Алексеем Конопасевичем, 15-го ноября 1908 года со слов очевидицы его смерти, жены его, Елены Ивановны // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №1. — С. 10–13.

Как-то весной 1862 года отцу Даниилу, как хозяину своих причтовых владений, пришлось, согласно имевшемуся плану, отнести несколько в сторону пограничный забор. Узнав об этом, Свенторжецкий потребовал перенесения забора на прежнее место. Отец Даниил отказался сделать это, показав помещику документ. Тогда ночью, по распоряжению Свенторжецкого, забор был сломан. На следующий день отец Даниил снова поставил забор согласно плану, а ночью он был опять сломан. Так продолжалось несколько дней, пока Свенторжецкий не написал жалобу на отца Даниила Пресвященному Михаилу. При этом он, кажется, подговорил подать жалобу на своего священника и некоторых крестьян деревни Горки, за что одарил их тем, чего они пожелали. Но архиерей, сверх ожидания (надо заметить, что владыка Михаил был человеком на редкость пронизательным), разобрал дело согласно проведенному на месте следствию и в своей резолюции одобрил действия отца Даниила. Свенторжецкий вынужден был извиниться³⁵.

Впрочем, по воспоминаниям супруги отца Даниила, отношения Болеслава Свенторжецкого к их семье были довольно доброжелательными, и последний нередко даже заходил к ним в дом для бесед с ее мужем. Но как обстояло дело на самом деле, трудно сказать, так как истинные сердечные помыслы остаются зачастую скрытыми для человеческого взора.

В том же году, в воскресенье 24 июня, произошло для Богушевичского прихода весьма печальное происшествие. Через несколько часов после окончания воскресной Литургии загорелась изнутри по неизвестной причине Крестовоздвиженская церковь. Деревянный храм сгорел до основания и при том так, что отцу Даниилу ничего не удалось спасти из церковной утвари и хранившихся там денег. Когда он, при-

³⁵ Там же. С. 13.

бежав первым к церкви, открыл дверь с целью что-нибудь спасти, вырвавшийся наружу огонь так быстро охватил все здание, что войти в него стало совершенно невыносимо.

Сразу после пожара приехала пани Лаура, которая выразила церковной общине свое искреннее сочувствие. Она приказала рыть пепелище на том месте, где, по указанию отца Даниила, должны были храниться серебряные монеты, и когда копавшие нашли большой оплавленный кусок серебра, она взяла его себе, а отцу Даниилу тотчас же выплатила указанную им потерянную сумму денег.

Люди склонялись к мысли, что пожар в церкви не был случайным. Каждый раз при выходе из храма отец Даниил с церковным старостой внимательно осматривали церковь и тушили все огни, так что в этом отношении сомнений не было. А вот то обстоятельство, что в это время поляки уже активно готовились к восстанию за восстановление Польши, вполне может служить разгадкой к этому печальному происшествию. Нужно заметить, что тогда в деревянных церквях распространено было устраивать в притворе, справа и слева, небольшие ризницы и чуланы, куда складывались, между прочим, и жертвуемые крестьянами на церковь полотна и лен, которых могло собираться огромное количество. При желании любой злоумышленник при выходе из церкви мог бросить в такой чулан уголек или кусочек зажженного трута — вот и готов пожар, и при том не мгновенно, а пока уголек не зажжет массы горючего материала. Злоумышленником же мог быть любой из приходивших тогда в церковь поляков. Дело в том, что за отсутствием в Богусевичах в то время ксендза, окрестные поляки-католики частенько приходили в православный храм и там молились по своим молитвенникам³⁶.

Как бы там ни было, а отец Даниил оказался лишенным места для совершения Евхаристии и амвона для

³⁶ Там же. С. 13–15.

проповеди. Выстроить же новую церковь можно было лишь года через два, не ранее, и на это время как бы разрывалось полнокровное единение пастыря со своей паствой.

Между тем в Богушевичах в скором времени ожидалось водворение католического ксендза. Совсем недавно Свенторжецкий завершил в местечке строительство небольшого каменного (филиального) костела, и как раз шла подготовка к его освящению и открытию. Совершенно реальной становилась ситуация, когда православные крестьяне, не имея своего храма, а отчасти привлекаемые органной музыкой, шли бы в костел.

Вскоре после пожара в церкви к Болеславу Свенторжецкому в Богушевичи съехались все окрестные помещики на какое-то совещание. На следующий день Свенторжецкий отправил свою жену, пани Лауру, с двухлетней дочерью Софией за границу, а сам исчез из Богушевич куда-то на целый год, до апреля 1863 года. Во все время его отсутствия Богушевичским имением управлял и жил в барском доме некто пан Малиновский, довольно хорошо относившийся к отцу Даниилу и его семье³⁷.

Весь 1862 год и начало 1863 года поляки буквально бурлили. Повсюду была предельно усилена антирусская пропаганда, звучали призывы к вооруженной борьбе. Католическое духовенство почти открыто призывало польских «патриотов», а вместе с ними и католическое население к решительным действиям. В костелах пелись польские патриотические гимны, звучали политические проповеди. Паны усиленно вывозили свои семьи и имущество из имений и уходили «до лясу», где собирали вооруженные отряды для войны с «пшеклэнтными москалями» и выработывали планы действий. Во многих местах заготавливались склады оружия и очень часто местом для его хранения служили костелы.

³⁷ Там же. С. 15.

Главным поставщиком оружия для повстанцев была семья минских ростовщиков Айзенштатов, связанная с партией «белых». Крупнейшими пунктами хранения оружия и обмундирования были Krdlewiec и Eitkuni, откуда агенты Айзенштатов перевозили его для повстанцев через прусскую границу³⁸.

В начале 1863 года на территории Царства Польского, а за тем в Белоруссии и Литве началось польское национально-шляхетское восстание. Не имея достаточно сил и избегая открытых столкновений с русскими военными командами, отряды повстанцев действовали в основном методами партизанской войны. Между тем руководители восстания всячески старались привлечь на свою сторону простой народ — то заигрывая с ним и суля разные льготы, то запугивая и открыто угрожая. Но народ не только не сочувствовал восстанию, но с каждым днем все больше и больше проникался ненавистью к повстанцам, видя многочисленные злодеяния, совершаемые ими по всему краю. Их отряды, бродившие по лесам, приносили с собой только горе, страдания и страх. Сотни ни в чем не повинных людей — стариков, женщин, детей — были убиты, искалечены и часто с изуверской жестокостью. Среди убитых повстанцами мирных жителей были поляки, русские, евреи, иностранцы, католики и православные, люди самых различных званий, профессий и положения. Их вешали, стреляли, забивали до смерти. Повстанцы грабили местечки, деревни, разоряли и поджигали церкви, жгли дома и целые поселения. Одним словом, принесли в край страшную кровавую смуту.

Немало пострадало в те дни и православно-духовное сословие. Чего только не пришлось вынести православному духовенству от повстанцев — угрозы, издевательства, побои

³⁸ *Fajnbauz David*. 1863: Litwa i Bialorus / Inst. Nistorii PAN. — Warszawa: Neriton, 1999. — S. 110.

и грабежи претерпело оно. Совершались и убийства. Чтобы избежать насилия, многим священникам приходилось прятаться, а некоторых из них, приговоренных повстанцами к смерти, спасла лишь охрана русских военных.

Все это было явлением не стихийного характера, а спланированной тактикой действий, о чем красноречиво свидетельствует секретная инструкция о способах ведения вооруженного восстания, присланная из Лондона Главным революционным комитетом Центральному комитету в Варшаве. В ней, между прочим, предписывалось «на всем пространстве изгонять попов и жечь русские церкви», «в русских округах вызвать убийства помещиков и чиновников земской полиции», «деревни, в которых крестьяне замечены в измене, предавать пламени»³⁹ и пр. Так повстанцы и действовали.

Активное участие в восстании принял и помещик Болеслав Свенторжецкий. Соседние с ним помещики еще ранее избрали его своим «дову́дцем» — предводителем. Видимо этим и объясняется его столь продолжительное отсутствие в имении. Как «дову́дца» он должен был собирать людей, закупать оружие, ездить в Варшаву, поддерживая связь с главными организаторами восстания. Он же впоследствии был комиссаром соединенных повстанческих отрядов, действовавших в Игуменском уезде.

В это время отец Даниил, хотя и лишен был храма, однако не оставлял общения со своими прихожанами. Он ходил по домам, беседовал, совершал требы, и вместе с тем зорко следил за развивавшимися событиями. Он уговаривал крестьян беречь деревню, ходить ночью по улицам дозором

³⁹ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 430–431.

с палками и косами и быть на всякий случай готовыми к защите. Было очень тревожно. Управляющий Богушевичским имением Малиновский, доброжелательно расположенный к отцу Даниилу, советовал ему ради безопасности уехать из местечка. Но отец Даниил не хотел покидать свой приход в это смутное время.

До апреля 1863 года о повстанцах в Минской губернии практически не было слышно. Восстание здесь было отложено руководителями «жбнда» до приезда из-за границы Болеслава Свенторжецкого, назначенного военным начальником Минского воеводства⁴⁰. В начале апреля Свенторжецкий вернулся из-за границы, куда ездил проводить жену, отправившуюся в Ниццу для поправки здоровья. 17 числа в его имение Богушевичи собралось около 30 человек вооруженных ружьями, пистолетами и саблями, готовых принять участие в восстании. 19(18) апреля Свенторжецкий и собравшиеся к нему люди отправились в Богушевичское волостное правление, где, кстати сказать, писарем был поляк, осведомитель повстанцев. В присутствии нескольких «крестьян и баб» Свенторжецкий «прочитал польский манифест и объявил крестьянам, чтобы они не платили никаких податей, не давали рекрут, и что землю отдает он им в дар», заверив при этом, что все книги и бумаги в Богушевичской канцелярии уничтожены⁴¹.

В тот день отец Даниил отсутствовал где-то по хозяйским делам. Жена его, Елена Ивановна, находилась в это время дома со своим двухлетним сыном Алешей и родной сестрой Александрой (впоследствии вышедшей замуж за священника Иоанна Рункевича (†1874), преемника отца Даниила по Богушевичскому приходу). Увидев в окно,

⁴⁰ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Сборник документов. — М., Wrocław: Наука, 1965. — С. 92.

⁴¹ НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 16. об.

как по улице проехала целая вереница длинных телег с вооруженными людьми, она в страхе, почему-то подумав, что это приехали за ее мужем, схватила на руки сына и побежала к дому псаломщика. Елена Ивановна в это время была на последних месяцах беременности дочерью Людмилой, родившейся 6 июня. Обнаружив, что двери дома псаломщика заперты, она в каком-то порыве отчаяния разбила окно, порезала себе руку и, не достучавшись ни до кого в доме, пошла в волостное правление. Придя туда, она встретила большое собрание повстанцев и среди них двух ей знакомых — Болеслава Свенторжецкого и пана Гектора Коркозевича из Логов. Увидев испуганную женщину с ребенком, паны тотчас же спросили, почему она окровавлена, и, узнав, что это не по их вине, успокоились. Когда ее спросили о причине прихода, матушка стала просить собравшихся господ, чтобы не трогали ее мужа, священника Даниила. Ей сказали, что мужа не тронут, если он не будет мешать им в их деле. Тогда Елена Ивановна, несколько успокоившись, ушла. Однако, вернувшись домой, узнала от сестры, что приходили двое людей и устроили самый строгий обыск всего дома и сараев, разыскивая отца Даниила.

В тот же день повстанцы ушли из Богушевич. Возвратившийся домой отец Даниил, узнав о случившемся, тотчас же отправился в волостное правление. Там он нашел разорванный и брошенный на пол портрет императора Александра II, а на столе — массу оставленных прокламаций, в которых объявлялось о восстановлении Польши и ее прав, объявлялись льготы крестьянам, и звучало воззвание к русским «хлопам» вступать в число граждан будущего польского королевства. Отец Даниил, не долго думая, собрал прокламации, порвал их и бросил в топившуюся печь, а разорванный портрет Государя забрал к себе в дом. Свидетелем всех этих действий отца Даниила был упомянутый волостной писарь — поляк Рогальский.

В тот же вечер отец Даниил на одной лошадке отправился в город Игумен (ныне г. Червень Минской области), чтобы сообщить представителям власти о случившемся в Богушевичах, но по злой иронии судьбы человек, которому он рассказал об этом, был исправник Сущинский — осведомитель повстанцев. Из Игумена отец Даниил поехал в Минск, где также обо всем доложил Преосвященному Михаилу⁴².

Выехав из Богушевич, повстанцы отправились в сторону Ляд, где встретили артиллерийского подпоручика Станислава Лясковского (он же Игнатий Собек) с несколькими вооруженными людьми. Лясковский сразу же объявил себя «начальником партии» и тотчас же приказал рубить телеграфные столбы. «Партия» направилась в деревню Задобричин и в первые дни похода порубила телеграфные столбы «от Ляд до Речек». Затем перешла в деревню Якшицы в 60 верстах от Бобруйска⁴³. По мере следования отряд пополнялся новыми лицами. Так вскоре к нему присоединились «партии»: Игуменская, Слуцкая (под командованием учителя Слуцкой гимназии Л. Домбровского), а впоследствии и Минская в числе 70 человек под начальством дворянина Яна Леливы (он же Ванькович). Штаб соединенных отрядов, действовавших в Игуменском уезде, состоял из Станислава Лясковского, комиссара Болеслава Свенторжецкого, отставного штабс-ротмистра Гектора Коркозевича, Болеслава Окулича, Адольфа Шидловского и Яна Леливы. Однако состав его не был постоянным и время от времени менялся.

Сами отряды состояли «из помещиков, мелкой шляхты, чиновников, гимназистов, дворовой челяди и других разночинцев»⁴⁴. В основном это были совсем молодые люди

⁴² Конопасевич А. Указ. соч. — С. 16–17.

⁴³ Московские Ведомости. — 1863. — №92. — С. 2.

⁴⁴ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Сборник документов. — М., Вроцлав: Наука, 1965. — С. 421.

с еще не сформированным сознанием, которым легко манипулировали руководители восстания. Так, вербуя в отряды новых членов, они уверяли, что Свенторжецкий собрал отряд «около 8000 человек, что у них есть пушки, много оружия, что французы и другие народы идут к нему на помощь и русские войска переходят на его сторону и что в некоторых местах объявлено польское право»⁴⁵. Но это была обычная ложь, и об этой лжи писал еще в свое время пронизательный Мицкевич: «Ложь, как политическое средство, употребляли у нас часто благороднейшие люди с самой лучшей целью, но всегда с дурным последствием. Лгали о тайных обществах, увеличивая число и силу союзников, чтобы тем удобнее вовлечь в заговор; лгали пред революцией о Хлопицком, лгали после революции от его имени: патриоты дорого за это заплатили; лгали во время восстаний, распространяя фальшивые вести для заохочивания: опытные заговорщики и начальники восстаний соглашались в том, что никогда не имели пользы от людей искусственно вовлеченных; они тотчас уходили или сокрушали сердце другим, шедшим за доброе дело по внутреннему убеждению»⁴⁶.

Через некоторое время после возвращения отца Даниила из Минска, в Богусевичи пришел русский военный отряд. Прибыв в местечко, отряд остановился для короткого отдыха, и офицеры посетили дом отца Даниила. Возможно, они хотели узнать от него о месторасположении повстанцев, но это было бессмысленно, так как повстанцы постоянно меняли места своих стоянок, и даже при большом желании нельзя было в точности сказать, где находятся их отряды.

Кроме того, у повстанцев неплохо была поставлена разведка и отлично работала агентура. Во всех присутствен-

⁴⁵ Там же. — С. 434.

⁴⁶ Pisma Adama Mickiewicza. T. 6. — Париж, 1861. — С. 211.

ным местах и канцеляриях они имели своих людей, которые большей частью были поляки. Кроме того, как писал в одном из своих донесений полковник Б.К. Рейхарт: «...главное, неудобством при теперешних обстоятельствах оказывается то, что полиция городская и земская без малого изъятия состоит из католиков, впрочем, и некоторые туземные православные (бывшие униаты) не лучше их, особенно у которых жены католички»⁴⁷. Непосредственно осведомителями отрядов Свенторжецкого были Игуменский исправник Сушинский и становой пристав в местечке Березино Круковский. Эти господа, имея сведения о местонахождении повстанцев, направляли отряды русских войск, посланные для их преследования, в совершенно противоположные стороны, чем и объясняется то обстоятельство, что военные приходили всегда с большой задержкой, а повстанцы успевали спокойно скрываться с мест своих стоянок.

Поиски их отрядов активно продолжались. 29 апреля в Игуменском уезде часть отряда Новоингерманландского пехотного полка, преследуя повстанческий отряд «под предводительством Свенторжецкого, отбила из их обоза до 40 подвод», однако самим повстанцам удалось «скрыться в лесах». Отряд этот преследовался по направлению к границе Могилевской губернии. Между тем, во время его преследования стало известно, что на пути из Кобача повстанцы «увели с собой православного священника Малевича и после истязаний в лесу, отпустили его с поруганием»⁴⁸.

4 мая отряд 12-го пехотного Великолукского полка, преследуя «шайку Свенторжецкого», настиг при деревне Жабичи Игуменского уезда другой отряд (помещика

⁴⁷ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Сборник документов. — М., Вроцлав: Наука, 1965. — С. 421.

⁴⁸ 1863 год на Міншчыне (Rok 1863 na Minszczyźnie) / J. Witkowski i інш. — Мінск, 1927. — С. 28.

Эсьмана) около 80 человек, следовавший на соединение со Свенторжецким. При столкновении у повстанцев было убито 6 и взято в плен 9 человек, еще 8 человек захватили крестьяне. Примечательно, что из 17 повстанцев, взятых в плен, 16 оказались шляхтичи. Со стороны военных было ранено 3 рядовых.

9 мая под селом Юревичи, находившимся в 12 верстах от Богушевич, произошло сражение русских военных под руководством майора Великолукского пехотного полка Григорьева, командовавшего двумя ротами и 50 казаками при войсковом старшине Титове с отрядом Лясковского, численностью в 400 человек⁴⁹. Повстанцы засели в густом лесу за семью рядами заранее устроенных завалов. Так как не было возможности обойти завалы, военным пришлось атаковать позицию в лоб. «Пришлось каждый из завалов брать штурмом, — доносил командир колонны, — причем повстанцы дрались насмерть. Два часа продолжался ожесточенный бой»⁵⁰. В конце концов, русский отряд выбил повстанцев из завалов, «разбил на голову и преследовал более двух верст». В бою при самих завалах было убито 19 человек повстанцев и 5 взято в плен. Со стороны военных были убиты — один офицер и 12 нижних чинов, ранено — 25 человек. Сколько было убито и ранено повстанцев во время преследования точно неизвестно, но по словам некоторых участников боя, повстанцы потеряли убитыми и ранеными около 30 человек.

На другой день после сражения военные позвали отца Даниила исповедать и причастить Святыми Таинами раненых и отпеть павших православных воинов. Отряд майора Григорьева оставался у Юревич 10 и 11 мая для погребения

⁴⁹ Там же. С. 29.

⁵⁰ Цит. по: *Смирнов А.Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. — Москва: изд. Акад. наук СССР, 1963. — С. 213.

убитых, отправки раненых и пленных, а также необходимого для солдат отдыха. Примечательно, что когда местным крестьянам было поручено собрать в лесу убитых и раненых повстанцев, те отвечали: «пусть гниют» — об убитых, «пустьдохнут» — о раненых. Такое крайне жестокое отношение крестьян к повстанцам красноречиво показывает, до какого состояния были доведены крестьяне и с какой ненавистью относились они к панам и их делу⁵¹.

В это время посылаемые за припасами члены отряда Лясковского доложили своему командиру, что «священник Конопасевич разъезжает с казаками и уговаривает крестьян преследовать мятежников»⁵². Узнав об этом, Лясковский созвал штаб, на совете которого повстанцы приговорили отца Даниила к смертной казни. В этом же совете участвовал и Болеслав Свенторжецкий, но он, по свидетельству одного из участников совета, уговаривал Лясковского дать возможность отцу Даниилу уйти из местечка, не желая его смерти. Говорили, что отцу Даниилу была подброшена записка приблизительно следующего содержания: «Отец Конопасевич! Будь уверен, что ты останешься в живых тогда, когда ни одного из нас не останется»⁵³.

Прослышав, что повстанцы хотят расправиться с отцом Даниилом, управляющий имением Малиновский настоятельно советовал ему уехать из Богушевич в Бобруйскую крепость. Слыша такие советы от самого поляка и понимая, что дело крайне серьезно, матушка отца Даниила

⁵¹ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 199.

⁵² НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 17 об.

⁵³ Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью Западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения 1839 г. — СПб.: Синод. тип., 1889. — С. 60.

со своей стороны также прилагала все усилия, чтобы уговорить мужа уехать из местечка. Но отец Даниил, очевидно осознавая, как постыдно смалодушничать человеку, давшему присягу духовную и гражданскую, и помня слова Спасителя о пастыре добром, не поддавался искушению. Иногда он, для успокоения своей супруги, которая в последнее время даже боялась ночевать дома и уходила вместе с сыном на ночь в какую-нибудь крестьянскую хату, обещал также идти ночевать к кому-либо из соседей. А сам, между тем, как только жена уходила, возвращался домой и спокойно засыпал. В таком состоянии супруга его и находила утром. Родные отца Даниила свидетельствуют, что страха смерти у него не было. Происходившие тогда события, видимо подготавливали его к принятию любой ситуации. Очевидно, отец Даниил был почти уверен, что повстанцы его не пощадят. Однажды, незадолго до смерти, он отправился к соседнему священнику и, исповедовавшись у него и причастившись Святых Таин, радостный вернулся домой со словами: «Вот я уже теперь совсем готов — причастился»⁵⁴.

Дня за три до убийства отца Даниила управляющий Малиновский и матушка убедили его уехать со всей их семьей в Бобруйск, но, не доехав до города верст 20, он почему-то наотрез отказался ехать дальше и повернул обратно в Богушевичи. По дороге назад Конопасевичи встретили знакомого священника из Якшиц, который ехал в Бобруйск с целью найти там убежище. В свою очередь и он стал всеми силами отговаривать отца Даниила возвращаться в Богушевичи, но тот не хотел и слышать об этом, и к вечеру 22 мая семья вернулась домой⁵⁵.

Видимо, каким-то таинственным движением души был влеком отец Даниил к месту и часу своего мученичества.

⁵⁴ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 18.

⁵⁵ Там же.

Как будто боясь лишиться небесного венца, подобно апостолу Павлу, возжелавшему некогда пострадать за Христа, он не обращал внимания на уговоры близких и дорогих ему людей.

Для расправы над Богушевичским священником Ляковским был отправлен отряд «охотников»-добровольцев, которых набралось около 40 человек. Во главе их стоял шляхтич Альбин Тельшевский, бывший в «партии» начальником «шўстки» — отделения из шести человек. По свидетельству очевидцев, в отряде «охотников», кроме Тельшевского, были шляхтичи Липинский, Казимир Окулич, Болеслав Окулич и Владислав Боратынский, канцелярист Михайловский, «столяр» Булышко, крестьяне Яков Сакович и Александр Подолецкий, также некие Казимир Козловский, Матвей Сакович, Демидович, Рейтовст из Слуцка, Ковалевский. 23 мая около шести часов вечера Тельшевский прибыл с отрядом в Богушевичи. Почти весь отряд он отправил в местечко, а сам и «несколько человек с ним остались в помещичьем дворе для получения провизии»⁵⁶, однако вскоре направился с оставшимися с ним людьми к дому священника.

23 мая 1863 года, по воспоминаниям близких отца Даниила, выдался чудный, ясный день. Почти весь он прошел без каких-либо тревог. Около шести часов пополудни отец Даниил со своей матушкой, только что сев пить чай, увидели в окно вереницу проехавших мимо дома больших помещичьих телег с вооруженными повстанцами. Это были совсем уже не те, что в начале восстания с иголки одетые франты, в расшитых польскими панями и паннами бурках и вязаных ими конфедератках. Это был уже изрядно обтрепанный сброд с изможденными, озлобленными лицами, способный на любое злодейство. Как убедились отец Даниил с матушкой, повстанцы проехали прямо в

⁵⁶ НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 19 об.

местную корчму Лейбы Каца. Продолжая по-прежнему сидеть за чаем, они через несколько минут заметили, как мимо окна промелькнули чьи-то головы. Выглянув в окно, Елена Ивановна увидела, что их дом окружен конными и пешими вооруженными людьми, и они требуют кого-либо выйти из дома. Услышав о требовании, отец Даниил тотчас вышел вместе с матушкой на черное крыльцо, где перед домом стояла группа повстанцев. Поляки не сразу поняли, что перед ними стоит священнослужитель, и спросили его, где находится «ксендз», понимая под этим словом священника. Дело в том, что отец Даниил хотя и носил как священник длинные волосы, но был одет не в подрясник или рясу, а так, как обычно ходил дома — в старое семинарское пальто. На вопрос поляков он ответил: «Я сам и есть священник. Что вам нужно от меня?» Тогда к отцу Даниилу подступил шляхтич Тельшевский и направил в грудь его револьвер, но Елена Ивановна оттолкнула оружие. Повстанцы тут же втолкнули ее и выбежавшего на шум ребенка в кухню и заперли извне дверь. Несчастная женщина в истерике металась по дому, пока не упала в обморок. Елена Ивановна впоследствии рассказывала, что когда повстанцы схватили отца Даниила, он не издал ни звука. Еще она слышала, как кто-то крикнул: «Веровок!», а что было дальше, не помнит⁵⁷.

По приказанию Тельшевского Ковалевский, Михайловский, Подолецкий и Булышко схватили отца Даниила и вывели его на середину двора. Тельшевский зачитал отцу Даниилу бумагу с обвинениями против него и приговором штаба и приказал повесить священника. Когда отец Даниил сделал какое-то возражение, «Михайловский и Подолецкий, с бранными словами, схватили его за волосы», Михайловский накинул веревку на его шею, а Булышко

⁵⁷ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 19.

влез на ворота и привязал ее там⁵⁸. Повесили отца Даниила на воротах собственного двора. Самого убийства никто из домашних не видел, так как ворота, на которых повесили страдальца, находились за той стеной кухни, где окон не было. Но, видимо, это было и к лучшему.

Придя в себя и выйдя на улицу (двери дома уже были отперты), Елена Ивановна увидела своего мужа, висящего на воротах. Рядом с отцом Даниилом, обняв его ноги, сидел плачущий старик — дед Иван, работавший в их доме паробком. Это был единственный верный слуга в доме Конопасевичей, служивший еще у родителей отца Даниила, который, как родной член семьи, никогда не покидал их. Он ничего не знал о расправе, но все понял, найдя отца Даниила, когда привел с выгона домой скотину. И теперь, потрясенный увиденным, он горько оплакивал любимого своего батюшку. Из людей вокруг никого больше не было. Жители Богушевич, узнав, что в местечко вошли повстанцы, попрятались и боялись даже показаться на улицу.

Когда дед Иван стал снимать отца Даниила с петли, тотчас же прибежали повстанцы, бражничавшие неподалеку в корчме. Они с угрозами воспретили снимать повешенного, чтобы тело его висело подольше на устрашение всем русским, противящимся «польскому делу». И только после отъезда их из Богушевич тело отца Даниила было снято, омыто и положено в доме, как подобает умершему⁵⁹.

Когда 24 мая в Игумене было получено донесение об убийстве Богушевичского священника, уездный военный начальник немедленно направил в этот район отряды «майоров Коспоржиковского от Равич, Григорьева от Березина и Андреева, который с двумя ротами Севского и Орловского

⁵⁸ НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 16.

⁵⁹ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 20–21.

резервных пехотных полков возвращался в Бобруйск, после конвоирования в Игумен транспорта»⁶⁰.

Для погребения отца Даниила в Богушевичи к вечеру 25 мая прибыли Березинский благочинный Роман Пастернацкий (впоследствии настоятель Слуцкого монастыря), Божинский священник Иоанн Шафалович и Микуличский — Порфирий Ральцевич со своим псаломщиком. Из опасения попасть в руки к повстанцам, чтобы добраться до Богушевич, им пришлось переодеться в крестьянскую одежду и даже обрезать волосы⁶¹. В тот же вечер в Богушевичи пришли русские пехотинцы майора Григорьева и казаки под командованием Титова.

Благодаря военным священники смогли безопасно совершить погребение отца Даниила. Из дома на церковный погост гроб мученика несли русские солдаты. Погребли отца Даниила при фундаменте сгоревшей церкви, на восстановление которой он уже успел приготовить лес. У могилы невинно убиенного страдальца, при виде неутешных слез несчастной вдовы и ее малолетнего сына солдаты не могли сдержать своего негодования, и некоторые в сердцах говорили: «Дай Бог нам только встретиться с поляками, и у нас пленных мятежников не будет!»⁶².

Когда в отряде майора Григорьева, лично знакомого с отцом Даниилом, узнали обо всем случившемся, все были

⁶⁰ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 200.

⁶¹ *Мальцев Евгений, священник*. Указ. соч. — С. 768–769.

⁶² *Пастернацкий Роман, священник*. Речь, по случаю освящения памятника на могиле священника Даниила Конопасевича, в воспоминание его смерти от поляков, сказанная 23 мая 1870 года в местечке Богушевичах // Минские Епархиальные Ведомости. — 1870. — №14. — С. 365.

просто потрясены происшедшим. Сам майор Григорьев, офицеры и нижние чины отряда из чувства христианского сострадания к несчастной вдове приняли самое живое и трогательное участие в ее скорби: они собрали в складчину 80 рублей, передав это посильное пособие осиротевшему семейству⁶³.

Уже 25 мая Игуменский военный начальник получил донесение, что повстанческий отряд, совершивший злодеяние в Богушевичах, направился на Каменичи. Чтобы перехватить его, в район Лапич из Игумена был направлен отряд в 150 человек. Таким образом отряды Лясковского—Свенторжецкого оказались зажатыми с четырех сторон. Хотя точное местонахождение повстанцев пока никак определить не удавалось, поиск их продолжался.

Вскоре Минский временный военный губернатор генерал-лейтенант Василий Иванович Заболоцкий получил известие, что отряды Свенторжецкого и Коркозевича, руководимые Лясковским, скрываются в непроходимых лесах и болотах в Игуменском уезде между деревнями Домовицка, Володута, Рованичи, Полядки, Логи, Микуличи, Мартыновка, Юрьевичи, Ганнополь и Старый Прудок. Местность эта представляла собой одну сплошную непроходимую пушу, имевшую в окружности от 50 до 80 верст. Генерал В.И. Заболоцкий приказал стянуть в этот район к 7 июня под общее начальство генерал-майора Русинова 12 рот пехоты и 40 казаков. При этом, кроме уже находившихся здесь войск, были специально вызваны несколько рот пехоты из соседних Бобруйского и Борисовского уездов. 9 июня эти войска, разделенные на пять отрядов (колонн), произвели концентрические движения в лесу и в продолжении 11 часов непрерывного и утоми-

⁶³ Об убийстве польскими мятежниками священника Конопасевича // Московские Ведомости. — 1863. — №128. — С. 2.

тельно марша осмотрели большую его часть. Много было обнаружено следов, оставленных бивуаков, попадались даже горящие костры с явными признаками недавнего присутствия повстанцев, но сами отряды достигнуты так и не были. В следующие затем дни военные продолжали производить поиски и перешли в леса, идущие к Богушевичам. Между тем повстанцы, разбившись на мелкие группы, успели проскользнуть между колоннами, и только незначительная их часть была встречена ротой Кременчугского полка, следовавшей из деревни Микуличи. При этой встрече повстанцы, давши залп, поспешно скрылись, оставив в руках военных 12 вьючных лошадей, около трех пудов пороха, свинец, несколько ружей и пр. Со стороны военных при этом был легко ранен один рядовой⁶⁴.

12 июня к отрядам генерал-майора Русинова присоединилась еще колонна свиты Его Величества генерал-майора князя В.В. Яшвиля, направленная из Могилевской губернии с целью очистить левый берег Березены и, после перехода через реку, содействовать уничтожению повстанцев в Игуменском уезде. 13 числа один из отрядов князя Яшвиля⁶⁵ под начальством подполковника генерального штаба Зыкова нагнал у фольварка Лочина, близ деревни Горки, отряд повстанцев численностью в 120 человек. Атакованные военными, повстанцы бросились врассыпную, потеряв убитыми 4 и пленными 20 человек. После боя крестьянами было доставлено в Игумен еще 23 человека, между которыми находился и Гектор Коркозевич, явившийся к волостному старшине просить хлеба. Тогда же в плен попал и другой предводитель повстанцев — заседатель Игуменского уездного суда Адольф

⁶⁴ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 203—204.

⁶⁵ Отряд Смоленского резервного полка и сотня казаков.

Шидловский⁶⁶. Болеслав же Свенторжецкий и Лясковский, по показанию пленных, бежали с 12 людьми.

15 июня было получено известие, что Свенторжецкий пробирается лесом к Сутину, где находилось имение его жены. Для преследования его был послан отряд с десятью казаками, однако поймать Свенторжецкого не удалось.

С 16 июня генерал-майор Русинов начал обход своими колоннами всего Игуменского уезда. Примечательно, что во все время поисков повстанцев большое усердие и готовность помогать военным выказали крестьяне. Поначалу они еще немного побаивались окольной шляхты, смотря на них как на агентов повстанцев, но потом ободрились и стали активно помогать войскам осматривать леса и задерживать подозрительных людей⁶⁷.

Вскоре были пойманы и некоторые из участников убийства отца Даниила: шляхтичи Альбин Тельшевский⁶⁸, Владислав Боратынский⁶⁹, Болеслав Окулич⁷⁰, а также крес-

⁶⁶ 1863 год на Міншчыне (Rok 1863 na Minszczyźnie) / J. Witkowski i інш. – Мінск, 1927. – С. 42.

⁶⁷ Московские Ведомости. – 1863. – №142. – С. 3.

⁶⁸ **Тельшевский Альбин Иванович** (1827–1863) – дворянин, служил писцом в Слуцкой дворянской опеке. Вступление в восстание мотивировал тем, что «любовь к отечеству и желание присоединения Литвы к Польше побудили его присоединиться к мятежнической партии». На следствии говорил, что не хотел убивать священника и что действовал исключительно под угрозами Лясковского, из страха самому лишиться жизни.

⁶⁹ **Боратынский Владислав Людвигович** (1841–1863) – дворянин Лепельского уезда Витебской губернии, обучался фармацевтике у аптекаря в г. Слуцке, в службе не состоял. Принял участие в восстании «в надежде, что, при помощи иностранных держав, Литва присоединится к Польше». В отряде Лясковского числился лекарем. Говорил, что во время убийства священника брал в Богушевичах лекарство, хотя, по свидетельству А. Подолецкого, непосредственно участвовал в повешении, что, впрочем, доказано не было.

⁷⁰ **Окулич Болеслав Венедиктович** (1833–1863) – дворянин, с 1861 г. служил в Минском губернском правлении. Принимал участие в совете, принявшем решение о повешении о. Даниила Конопасевича, и был в составе «охотников».

тьяне Яков Сакович⁷¹ и Александр Подолецкий⁷². Их предали военно-полевому суду при штабе 119-го Коломенского пехотного полка.

Во время следствия руководитель отряда «охотников» Тельшевский всячески пытался выгородить себя. Он утверждал, что Лясковский «насильно» под угрозой смерти заставил его исполнить приговор о «лишении жизни православного священника»⁷³. Ложно показывал, что «когда он приехал в деревню, священник был уже пойман», хотя сам лично привел «охотников» к его дому. Превратно представлял и саму сцену расправы над отцом Даниилом. А кроме того, утверждал, что в приговоре повстанческого штаба кроме прочих обвинений в адрес священника главным было то, что он якобы жестоко обошелся с неким «раненым Рудзинским»⁷⁴. При этом никаких подробностей в чем именно заключалась жестокость Тельшевский не указывал. Это было конечно достаточно серьезным обвинением в адрес священнослужителя, и следственная комиссия решила его проверить. Однако ни один из допрошенных арестованных и людей со стороны не только не подтвердили, что Конопасевич обращался жестоко с раненым, но и вообще с кем-либо! Понятно, что Тельшевский хотел любыми путями смягчить свою вину, для чего придумывал разные «оправдания».

Четверых из участников убийства суд предварительным постановлением приговорил к расстрелу, а одного — к каторжным работам. По распоряжению генерал-лейтенанта В.И. Заболоцкого, утверждавшего приговор, троим из приго-

⁷¹ Сакович Яков Фомич (1845–1863) — крестьянин Богушевичской волости Игуменского уезда, состоял лакеем у помещика Болеслава Свенторжецкого.

⁷² Подолецкий Александр (незаконнорожденный) (1838–1863) — сельский обыватель Игуменского уезда, служил лакеем у помещика Болеслава Свенторжецкого.

⁷³ НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 6–6 об.

⁷⁴ Там же.

воренных к смертной казни (А. Тельшевскому, Я. Саковичу, А. Подолецкому) расстрел был заменен на повешение, с исполнением приговора там, где было совершено преступление. 16 ноября 1863 года их публично повесили в Богушевичах на бывшем дворе помещика Свенторжецкого, после чего тела казненных зарыли в ямы без церковного погребения. Б. Окулич был расстрелян, а В. Боратынский сослан на каторжные работы в рудники на 20 лет. Позже попал под суд и другой участник убийства, столяр Булышко, казненный 29 января 1864 года в Минске.

Кроме названных выше, под суд попал еще один из «охотников», приходивших в Богушевичи для расправы над отцом Даниилом, — шляхтич Казимир Окулич, родной брат Болеслава Окулича. Однако, так как он, по его собственному свидетельству, участия в убийстве не принимал, а отсутствовал в это время, будучи послан за провиантом, его судили лишь за участие в восстании. Показательно прошение, написанное К. Окуличем на имя генерал-лейтенанта В.И. Заболоцкого, красноречиво показывающее принципы и «революционные» убеждения повстанцев: «Пред испытанном ныне несчастьем для здешней страны, я получа воззвание к прямому участию в мятеже, нисколько не колеблясь решительно отказал, не имея к тому ни малейшего сочувствия; но получа на мой отказ угрозы и обещания в будущности моей преследования, нисколько не удивительно, что неотвечность моя девятнадцатилетнего возраста, заставила меня исполнить приказание, я не был в силах отказать; я невольно принял участие в мятеже, не зная даже цели его; но желание возвратиться под кров спокойной жизни было единственным моим счастьем. Во время бытности моей в шайке, я приискал счастливую минуту, которой воспользуясь, добровольно явился к Начальству, с надеждою найти сочувствие, в моем невинном поступке, и ныне с искренним раскаянием, прибегаю под отцовское покровительство Вашего Превосходительства, прося милостивого воззрения на мою молодость

и неопытность в преступлении, а что я хочу быть навсегда верноподанным Государю Императору, в том покорно прошу дозволить мне доказать это присягою»⁷⁵. И подобных прошений была масса...

Конечно, К. Окулич лукавил. Заявление его о насильственном взятии в отряд суд отклонил, как не заслуживающее «вероятия». Окулич более двух месяцев находился в повстанческом отряде и «добровольно» сдался только после разгрома отрядов Лясковского—Свенторжецкого, и, конечно же, не вследствие раскаяния, а от безвыходности своего положения. Приговорен он был к четырем годам каторжных работ «на заводах»⁷⁶.

Остальных участников расправы над отцом Даниилом поймать не удалось.

Найденное в имении имущество Свенторжецкого было конфисковано, и часть его вывезена в город Игумен для продажи, а часть роздана крестьянам. Панская же усадьба в Богушевичах со всеми ее постройками по приказанию начальника края генерал-губернатора Михаила Николаевича Муравьева⁷⁷ была сожжена казаками. Само имение Богушевичи впоследствии было продано Минскому губернатору Павлу Никаноровичу Шелгунову⁷⁸.

⁷⁵ НИАБ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 31. Л. 17–17 об.

⁷⁶ Там же. Л. 28.

⁷⁷ **Муравьев Михаил Николаевич** (1796–1866) — граф, государственный деятель. С началом польского восстания (1863–1864 гг.) назначен 1 мая 1863 г. генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями для шести северо-западных губерний, а затем и Августовской губернии. Благодаря его энергичным действиям польское восстание к ноябрю 1863 г. было подавлено. С конца 1863 г. деятельность М.Н. Муравьева была направлена на умиротворение края. 1 мая 1865 г. он уволен от должности генерал-губернатора. В апреле 1866 г. назначен председателем верховной комиссии по делу Каракозова (о покушении на Александра II), но вскоре умер.

⁷⁸ **Шелгунов Павел Никанорович** — генерал-майор, Минский губернатор (1864–1868), Могилевский губернатор (1868–1869).

От продажи всего движимого имущества Болеслава Свенторжецкого была выручена сумма в 3987 рублей. Дополненная до 4000 рублей и обращенная в процентные бумаги, она хранилась в Минской духовной консистории для выдачи с нее ежегодного процента на воспитание детей-сирот священника Даниила Конопасевича — Алексея и Людмилы. Кроме того, матери их была назначена ежегодная пенсия в 140 рублей от казны и 60 рублей из личных средств императрицы Марии Феодоровны.

Глава III

Псаломщик Федор Юзефович

Вскоре после убийства священника Даниила Конопасевича в Минской епархии повстанцами был убит еще один церковный служитель — псаломщик Федор Яковлевич Юзефович, служивший в селе Святая Воля Пинского уезда.

Родился Федор Юзефович в местечке Телеханы Пинского уезда в семье священника. Образование он получил в уездном духовном училище, которое окончил в 1847 году. В течение последующих лет служил то на должности пономаря, то псаломщиком при разных церквях Минского уезда. В 1860 году Минским архиепископом Михаилом (Голубовичем) Федор был посвящен в стихарь⁷⁹, а 25 марта 1861 года определен псаломщиком к Крестовоздвиженской церкви в село Святая Воля⁸⁰. Любопытно, что до Юзефовича на его месте служил дьяком некто Стефан Конопасевич, возможно родственник Даниила Конопасевича, а после его смерти здесь проживала его вдова Евдокия Конопасевич⁸¹.

По воспоминаниям знавших Федора Юзефовича людей — это был «истинно русский человек», глубоко преданный своему отечеству.

Есть сведения, что во время начавшегося восстания он как-то догнал и отнял у некоего пана Кобылинского, избежавшего правительственных «рогатов» для осмотра проезжающих, порох и провизию для повстанцев⁸². Однако насколько эта

⁷⁹ Стихарь (греч. stihos — стих, строка, прямая линия) — священническая одежда, прямая, длинная, с широкими рукавами. Эта одежда усвоена всем трем степеням священства (диакон, священник, епископ). У священника и архиерея стихарь называется подризником. В стихарь облачаются также иподиаконы, и, по благословению епископа, чтецы и певцы.

⁸⁰ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40834. Л. 269 об.

⁸¹ Там же. Л. 270 об.

⁸² *Скрынченко Д. Ф. Я. Юзефович (повешен поляками 1 июня 1863 г.) // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №11. — С. 273.*

информация достоверна, сказать трудно. Как бы там ни было, но именно Юзефович стал жертвой мести повстанцев, что бесспорно было следствием его патриотических убеждений.

Все дело происходило в нескольких верстах от Святой Воли, в деревне Великая Гать, где находились усадьба священника и дом псаломщика. 1 июня 1863 года в 10 часов утра в дом Юзефовича пришли два неизвестных человека и, сказавшись странниками, попросили их накормить. Самого Федора в это время дома не было, он отсутствовал, находясь где-то по хозяйским делам. Жена его Доминика Адриановна приняла незнакомцев и приготовила им поесть. За трапезой «странники» начали разговор с отцом Федора, заштатным священником Яковом Юзефовичем, проживавшим в доме своего сына со времени увольнения от должности. Во время разговора хозяйка заметила, что эти люди «не здешней стороны» и, заподозрив в них повстанцев, послала за своим мужем.

Узнав о подозрениях супруги, Федор, прежде чем идти домой, зашел к своему соседу-крестьянину, для того, чтобы с его помощью при необходимости задержать неизвестных людей. Придя в свой дом, он стал расспрашивать незнакомцев, кто они и откуда. Во время их беседы в комнату вбежал испуганный старший сын Юзефовичей Алексей и сказал, что «в село идут поляки». Все стали выходить из дома, чтобы узнать, кто именно приближается к деревне. Между тем находившиеся в доме незнакомцы, а это были «передовые» повстанческого отряда, стали доказывать, что это русские казаки и, сделав испуганный вид, просили спрятать их куда-нибудь. Эту притворную игру они начали видимо для того, чтобы спровоцировать или сбить с толку Федора и тем задержать его в доме. Однако, когда все убедились, что в деревню входят повстанцы, Федор, прекрасно понимая, что для него ничего хорошего от встречи с ними не будет, хотел скрыться. В этот момент один из незнакомцев приставил к его груди револьвер

и грозно закричал: «Стой! Никуда не пойдешь! Ступай за мной в корчму!» К этому времени отряд повстанцев численностью около 200 человек уже вошел в деревню⁸³.

Схватив Юзефовича, повстанцы отвели его в корчму. Там они стали над ним издеваться и выговаривать за то, что он убеждал крестьян устраивать караулы и наблюдать за повстанцами, «чтобы не пропустить кого без вида», что убеждал крестьян вооружаться против них, когда те «хвалились сжечь» село Гать, как сожгли Святую Волю. Объявив, что ему осталось «всего полчаса времени до смерти», начальник отряда велел отправить Юзефовича под караулом к местному священнику Николаю Лукичу Стояновичу. Между тем жена Федора с пятью детьми со слезами отчаянно умоляли повстанцев помиловать его. Отец — семидесятилетний старик-священник — в ногах ползал у повстанцев, прося пощадить его сына. Но никакие уговоры не приклонили их на милость⁸⁴.

Исповедь Федора происходила в гостинице священнического дома в присутствии нескольких вооруженных повстанцев. После исповеди повстанцы в форме издевательства предложили отцу Николаю деньги «за труд». Но отец Николай естественно отверг эту гнусную мзду и именем Христа стал уговаривать их пощадить жизнь своего сослуживца, хотя бы ради его малолетних детей. О том же, стоя на коленях, умоляла и матушка отца Николая. Но как будто на зло повстанцы заявили, что повесят Юзефовича здесь же на липе прямо у ворот дома священника и уже стали делать к тому приготовления. С большим трудом отец Николай сумел убедить не делать его двор местом убийства. Тогда повстанцы решили повесить Юзефовича на вербе, как раз напротив его

⁸³ О мученической смерти дьячка Федора Иозефовича Минской губернии, Пинского уезда, Святвольского прихода. Со слов вдовы замученного Домны Иозифовичевой / Три мученические кончины // День. — 1863. — №29. — С. 11.

⁸⁴ Там же.

дома, находившегося через улицу. Они потребовали, чтобы во время казни присутствовал и сам священник, но, услышав об этом, отец Николай впал в глубокий обморок, так что повстанцам пришлось его оставить⁸⁵.

Повесили Федора Юзефовича на глазах у всей семьи на вербе возле самого его дома. По воспоминаниям сына, веревка, видимо, не плотно охватила шею, так как его отец ухватился за дерево и несколько ослабил петлю. Заметив это, повстанцы потянули страдальца за ноги, окончательно умертвив его⁸⁶. Было Федору в это время не многим более тридцати лет.

К телу повешенного приставили охрану, чтобы оно оставалось висеть «до третьего дня», и чтобы, по словам вешателей, «не только десятый, но и двадцатый видел и знал, как противодействовать полякам». При этом, воображая себя некими «рыцарями-благодетелями», оставили жене повешенного 30 рублей «на воспитание детей». Только постыдная эта подачка напоминала более циничное издевательство, нежели благодеяние, иудины сребреники, нежели милостыню⁸⁷.

После убийства псаломщика весь отряд собрался на дворе священнической усадьбы. «Гости» стали хозяйничать в доме, амбарах, конюшне и забрали все, какие нашли съестные припасы, а также муку, овес, повозки, упряжь и тому подобное. Затем частью там же на дворе, а частью на кладбище, расположенном при усадьбе за сараями, разложили костры и почти до вечера пировали. После этого они взяли отца Николая и повезли его в лес, в урочище под названием «Млынóк», где была мельница, и там хотели повесить и его, для чего на одной из сосен уже

⁸⁵ Станкевич В.Г. Письмо в Редакцию // Минские Епархиальные Ведомости. — 1910. — №1. — С. 19–20.

⁸⁶ Скрынченко Д. Указ. соч. — С. 274.

⁸⁷ О мученической смерти дьячка Федора Иозефовича Минской губернии, Пинского уезда, Святовольского прихода. Со слов вдовы замученного Домны Иозифовичевой / Три мученические кончины // День. — 1863. — №29. — С. 11.

приготовили веревку. Но неожиданно появившийся какой-то помещик, знакомый повстанцам, с большим трудом упросил их не вешать священника. Тогда повстанцы «на память» остригли отцу Николаю почти до гола голову и, обрив бороду, переодели в жупан и отправили едва живого домой на телеге проезжавшего мимо крестьянина. В таком виде он и был доставлен уже на следующий день в Великую Гать. Примечательно, что перед тем как повстанцы собирались повесить отца Николая, они предлагали ему вступить в их отряд⁸⁸.

Похоронили Федора Юзефовича на местном кладбище за усадьбой священника. На могиле его через некоторое время был установлен огромный, около четырех метров крест, который высоко возвышался над кладбищем и был виден издалека. Сохранилось предание, что крест этот был сделан из дерева какой-то твердой породы, которое его отец священник специально привез с тех мест, где родился Федор.

После смерти Федора в его семействе осталось пятеро сирот: Алексей (ученик Пинского училища) 11 лет, Екатерина 7 лет, Николай 5 лет, Анна 4 года и Мария 1 год⁸⁹.

Об убийстве Юзефовича, как и о смерти отца Даниила Конопасевича, одной из первых сообщила общественности московская газета «День», издаваемая И.С. Аксаковым. Материал о подробностях трагедии в редакцию газеты прислал профессор Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Коялович, пристально следивший за событиями, происходившими тогда в родной ему Белоруссии. Препровождая материал И.С. Аксакову, Коялович писал: «Сообщаю вам два описания: мученической кончины сельского учителя в Ковенской губернии Викентия Смольского⁹⁰ и дьячка Федора Юзефовича в Минской губернии — этих невидных деятелей в нашем народном деле, но мо-

⁸⁸ Станкевич В.Г. Указ. соч. — С. 20.

⁸⁹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40834. Л. 269 об.

⁹⁰ **Смольский Викентий** — православный сельский учитель, служивший в м. Субочь Поневежского у. Ковенской губ. Повешен повстанцами.

жет быть действовавших на него самым благотворным образом. Оба они стояли у самого корня народной жизни. Дела этих маленьких по положению людей не легко могут быть известны теперь, когда наше внимание так задавливается крупными и грозными событиями. Некому взяться за раскрытие этих дел, да и некогда. Но должно быть кому и должно быть когда — очертить хоть общее положение этих мучеников народного дела. Не должно быть, чтобы они сошли в тишину в безвестности об их подвигах. Сообщаемые описания их службы могут послужить хоть отчасти выполнением этого народного долга»⁹¹.

Как только была получена эта печальная корреспонденция, редакция тотчас же выслала семье Юзефовичей через М.О. Кояловича 50 рублей серебром из сумм пожертвований, поступавших в редакцию газеты «в пользу семейств жителей, пострадавших от польских мятежников»⁹².

В скором времени на поддержание пострадавшего семейства правительство выделило единовременное пособие в 400 рублей, а Святейший Синод назначил семье Юзефовичей ежегодное содержание в 40 рублей, составлявшее годовой оклад псаломщика⁹³.

Повстанческий отряд, совершивший убийство Федора Юзефовича, а затем пытавшийся повесить священника Николая Стояновича, после описанных событий двинулся через фольварок Плянту и Милодово к деревне Поречье.

Когда военный начальник Пинского уезда получил известие о действиях повстанцев и их передвижениях, он направил в Поречье 13-ю роту Полтавского резервного пехотного

⁹¹ Коялович М.О. Три мученические кончины // День. — 1863. — №29. — С. 10.

⁹² Коялович М.О. О мученической смерти дьячка Федора Иозефовича Минской губернии, Пинского уезда, Святовольского прихода. Со слов вдовы замученного Домны Иозифовичевой / Три мученические кончины // День. — 1863. — №29. — С. 11.

⁹³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30545.

полка с 10 казаками под командованием штабс-капитана Трофимова. Однако, придя туда, Трофимов уже не застал повстанцев и, узнав, что они направились на деревню Мохры, немедленно двинулся вслед за ними. В то же время полковник Назимов выслал из Пинска наперерез направлению, взятому повстанцами, 14-ю роту с 50 стрелками и 5 казаками под командованием капитана Тишецкого. Обе роты соединились близ деревни Кончичи и, преследуя неприятеля, настигли его 5 июня у деревни Вулька. Увидев приближающийся отряд, повстанцы бросились из деревни, где они отдыхали и бежали к соседним топким болотам, поросшим лесом. Военные преследовали их до тех пор, пока те совершенно не скрылись из вида. При этом повстанцев было убито 20 человек, а со стороны военных — убито двое солдат и четверо ранено, один из которых вскоре умер⁹⁴.

После столкновения при деревне Вулька военные вернулись в Пинск. В это же время уездному военному начальнику было доложено о появлении повстанческого отряда в местечке Столин (некоторые предполагали, что это был тот же самый отряд). Против него тотчас же были высланы 17-я и 20-я роты Полтавского резервного пехотного полка и 5 казаков под начальством майора Камрера. Настигнув повстанцев 11 числа за местечком Столин, майор Камрер дал бой. После двухчасовой перестрелки он штыковой атакой опрокинул неприятеля, загнав его в болото. Это был крупный повстанческий отряд численностью около 500 человек под командованием Траугута. Чтобы окончательно уничтожить неприятеля, майор Камрер блокировал засевших в болоте повстанцев и послал человека с просьбой прислать ему в помощь еще одну роту. 12 числа

⁹⁴ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 207–208.

из Пинска к нему в поддержку была отправлена 19-я рота с 50 стрелками и 5 казаками под командой поручика Петровского. Между тем повстанцам удалось выйти из болот и уйти от преследования⁹⁵.

До августа в Пинском уезде о повстанцах слышно не было. Утром 6 числа пинский военный начальник получил известие, что повстанческий отряд численностью до 500 человек прибыл из Слонимского уезда и расположился «на позиции близ корчмы Млынок, у границы Пинского уезда». Об этом сразу же были извещены командиры 13, 15 и 17-й рот Полтавского резервного полка, находящихся близко к той местности. Кроме того, из Пинска была направлена 5-я стрелковая рота с 13 казаками под командой майора Синицина, который должен был взять на себя командование всеми четырьмя ротами.

Между тем командовавший 13-й ротой подпоручик Гербановский, находящийся в Святой Воле, не дожидаясь прибытия остальных рот, немедленно отправился по указанному направлению и близ села Вульки-Обровской, застал повстанцев врасплох, в то время, когда многие из них спали. Когда военные открыли батальонный огонь, повстанцы врасыпную бросились бежать, не сделав ни единого выстрела. Преследование продолжалось достаточно долго. Прибывшие к месту действия остальные роты нашли дело уже законченным. Для продолжения преследования в соседние леса Слонимского уезда было послано несколько отрядов, человек по 100 каждый, но ни один из них не смог получить никаких сведений о дальнейшем направлении рассеявшегося отряда повстанцев. Когда было получено известие, что для поисков разбитого повстанческого отряда из Слонима выслано шесть рот, эти команды возвратились в Пинский уезд⁹⁶.

⁹⁵ Там же. С. 208.

⁹⁶ Там же. С. 301–302.

Глава IV

Память

Уже к осени 1863 года польское восстание было практически полностью подавлено, а к началу 1864 года исчезли его последние очаги. Многие участники восстания попали под суд: некоторые были казнены, некоторых сослали в Сибирь или во внутренние губернии России. Так, в феврале 1864 года за участие в подготовке революционной организации в Минске были сосланы на жительство в город Чембар Пензенской губернии под строгий полицейский надзор Анна и Чеслав Свенторжецкие. Сын их, Болеслав, после разгрома его отряда бежал сначала в Москву, а оттуда по поддельному паспорту за пределы России, в Париж. Лишившись всего у себя на родине, он не обрел покоя и на чужбине. Через год после описанных событий он потерял, возможно, самого близкого ему человека — свою жену Лауру, скончавшуюся во Франции 25 мая 1864 года⁹⁷. А еще через два месяца, 22 июля, в ссылке умер его отец⁹⁸. Несчастный Болеслав, не имея душевного покоя, впоследствии окончил свои дни, застрелившись из пистолета⁹⁹. Дочь Свенторжецких София (в замужестве Прозор), так, кажется, и не вернулась в Белоруссию, а проживала в Венеции. Принадлежавшие ей от матери имения со временем были распроданы по суду за долги отца. Накануне восстания Болеслав Свенторжецкий одолжил огромную сумму денег у соседей помещиков, которая и была взыскана с его дочери после продажи имений.

В 1866 году спорившую Богушевичскую Крестовоздвиженскую церковь заново отстроили за государственный счет¹⁰⁰. Построенный в Богушевичах Свенторжецкими каменный

⁹⁷ НИАБ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 20104. Л. 25.

⁹⁸ 1863 год на Міншчыне (Rok 1863 na Minszczyźnie) / J. Witkowski i інш. — Мінск, 1927. — С. 129.

⁹⁹ *Мальцев Евгений, священник*. Указ. соч. — С. 770.

¹⁰⁰ После революции 1917 г. Крестовоздвиженская церковь была разрушена и по сегодняшний день не восстановлена.

костел после конфискации имения был передан православно-духовному ведомству.

Еще в октябре 1863 года Богушевичские прихожане обратились к Минскому архиепископу Михаилу с просьбой передать им в пользование вместо сгоревшей в 1862 году приходской церкви «каплицу», находящуюся в саду бывшей усадьбы помещика Свенторжецкого. Свою просьбу они мотивировали тем, что «каплица эта построена трудами и почти собственными средствами прихожан во время нахождения их в крепостной зависимости»¹⁰¹.

В июне 1864 года просьба прихожан о передаче «каплицы» православному приходу была удовлетворена. Одной из причин передачи костела, кажется, была и та, что перед восстанием Болеслав Свенторжецкий использовал его как склад для хранения оружия. Просьба была удовлетворена, однако у прихода совершенно не оказалось средств на реконструкцию и переоборудование костела.

В поисках денег Богушевичский церковный совет решил обратиться за помощью к Главному начальнику края М.Н. Муравьеву. В феврале 1865 года совет направил ему письмо, в котором ходатайствовал перед генерал-губернатором о выделении приходу 1000 рублей на перестройку Богушевичской «каплицы» в православный храм. «Каплица эта была построена Свенторжецким, — писали члены церковного совета, — но много потрудились в постройке ее бывшие его крестьяне, прихожане Богушевичской церкви. Цель постройки таковой каплицы у Свенторжецкого была та, чтобы привлечь народ к католицизму, и со временем водворить всевозможными мерами Римо-Католическую религию. Но мечта чуждая и противная нашей народности не осуществилась. По распоряжению Промысла Божия и мудрым мерам Правительства, и зловредный мечтатель погиб, и каплица,

¹⁰¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1638. Л. 3.

имевшая послужить для славы католицизма, перешла в руки тех, кто жертвовал для нее своими последними трудами и может послужить теперь, наперекор католицизму, для славы Православия. В благоговении пред Промыслом Божиим и с благодарностью за спасительный переворот, прихожане охотно согласились бы и приняться за переделку таковой каплицы, но бедность народа не позволяет осуществить благого намерения, прихожане не в состоянии устроить Церковь своими средствами из таковой каплицы, потому что она требует не малой суммы для приличного своего устройства. Для устройства иконостаса и на некоторую достройку требуется одна тысяча рублей серебра»¹⁰². В заключение своего прошения члены совета писали: «Перестроить эту каплицу на Церковь необходимо для памяти кровавых сцен, бывших в Богушевичах, и мученической кончины местного Пастыря о. Конопасевича, принесшего в жертву свою жизнь преданности Престолу, и для ознаменования торжества Отечества и Православия»¹⁰³.

Прошение богушевичских прихожан М.Н. Муравьев перенаправил Минскому губернатору для уточнения суммы необходимой на переоборудование костела. Губернские власти командировали в Богушевичи гражданского инженера А. Скуратова, поручив ему на месте ознакомиться с делом, подготовить проект реконструкции и составить смету на выполнение всех необходимым работ.

После произведенных расчетов Скуратовым была составлена смета в 770 рублей. Минский губернатор сообщил об этом уже новому начальнику края, Константину Петровичу Фон-Кауфману, который и распорядился выделить необходимые средства. Кроме того, Фон-Кауфман от себя лично сделал приходу пожертвования деньгами и подарил

¹⁰² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1638. Л. 28–28 об.

¹⁰³ Там же.

для алтаря деревянной Крестовоздвиженской приходской церкви серебряный золоченый крест и серебряную золоченую дарохранительницу. Значительные пожертвования были получены приходом от московского издателя И.С. Аксакова.

Всеми работами по переустройству Богушевичского костела руководил сам А. Скуратов. Кроме того что костел подвергся некоторой реконструкции, внутри необходимо было устроить алтарь по образцу православных храмов. Для этого был заказан иконостас. Изготовление его резной деревянной части взялся выполнить местный мастер, житель местечка Смиловичи Игуменского уезда Иван Егоров, а иконы для него были заказаны московскому иконописцу Егору Егоровичу Зотову¹⁰⁴. В общей сложности Зотовым были написаны 22 иконы. Все работы по плану должны были быть закончены к 1 января 1868 года.

В это же время в среде духовенства Минской епархии начался сбор средств на постройку на могиле отца Даниила Конопасевича достойного памятника.

Когда работы по перестройке костела были практически завершены, Скуратов предложил перенести в него останки отца Даниила. Однако местное духовенство категорически высказалось против этой идеи, назвав следующие причины. Первая, «что если прах покойного священника Конопасевича перенесут с церковного погоста в склеп каменной часовни, то этим утратится историческое значение всех местных обстоятельств мученической его кончины, так как против настоящей могилы покойного стоит священнический дом, в котором жил покойный Конопасевич, а возле дома стоят те самые ворота, на которых покойный был повешен мятежниками, все это очень живо напоминает каждому о мученической кончине Пастыря церкви

¹⁰⁴ Там же. Л. 50–51.

и о варварском поступке врагов отечества». Вторая, «что сами прихожане Богусевичской церкви, родственники и жена покойного не желают, чтобы прах его был переносим с церковного погоста в сказанную часовню, и был поставлен в ряду прахов помещиков-католиков, которые при жизни своей были совершенно враждебны всему русскому по своему национальному настроению, духу и вере, а по смерти оставили о себе в народе память совершенно противоположную памяти бывшего его друга, защитника и советника, священника Даниила Конопасевича»¹⁰⁵.

30 июня 1869 года совершилось торжественное освящение вновь устроенной церкви¹⁰⁶. Освящение совершал Преосвященный Александр (Добрынин), епископ Минский и Бобруйский в присутствии Минского губернатора Е.А. Касинова, гражданских чиновников и большого стечения народа. Церковь была освящена в память отца Даниила во имя его небесного покровителя — Даниила пророка.

В 1870 году на могиле иерея-мученика ко дню его смерти был установлен памятник, сооруженный на пожертвования духовенства Минской епархии. Сам гроб его был обведен каменной аркой, затем возведен фундамент, и на нем установлен гранитный, увенчанный крестом, памятник¹⁰⁷. На лицевой стороне его была сделана надпись: «Здесь покоится прах священника Богусевичской церкви Даниила Конопасевича, повешенного польскими мятежниками 23 мая 1863 года». На обратной стороне: «Жил 31 год, священствовал 8 лет.

¹⁰⁵ Там же. Л. 78.

¹⁰⁶ Церковь эта считалась приписной к главной Крестовоздвиженской церкви.

¹⁰⁷ Основание памятника состояло из 3-х плит, а сам памятник был сделан из цельного камня с каменным крестом наверху (высотой вместе с крестом 2 аршина 11 вершков).

Памятник сооружен на приношения духовенства Минской епархии»¹⁰⁸.

23 мая на освящение памятника в Богушевичи съехалось окрестное духовенство и большое количество народа. Императором Александром II в память о мученической кончине священника Даниила ко дню освящения была подарена для Свято-Данииловской церкви великолепная икона трех Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия¹⁰⁹.

В 1906 году сыном отца Даниила Алексеем Конопасевичем¹¹⁰, проживавшим тогда в местечке Березино, вокруг памятника была устроена дубовая ограда и на кресте металлический венок. В начале XX столетия могила содержалась в хорошем состоянии и нередко навещалась сыном и супругой покойного, Еленой Ивановной († после 1909 г.).

¹⁰⁸ *Пастернацкий Роман, священник*. Торжественное внесение иконы, пожертвованной Государем Императором в Богушевичскую церковь, и освящение памятника на могиле пострадавшего от мятежников священника Даниила Конопасевича // Минские Епархиальные Ведомости. — 1870. — №14. — С. 354–357.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ **Конопасевич Алексей Даниилович** (1861—после 1911). Обучался на казенном содержании в Кронштадской классической гимназии (1871–1880), затем в С.-Петербургском университете, который в 1885 г. окончил со степенью кандидата физико-математических наук. По окончании университета назначен Учебным комитетом при Св. Синоде преподавателем математики и физики в Вятскую духовную семинарию, где прослужил 4 года. В 1889 г. переведен на должность преподавателя математики в Поневежское реальное училище Виленского учебного округа. В 1894 г. поступил чиновником на службу в Минское акцизное управление. С 1898 по 1907 г. жил в местечке Березино Минской губернии. В 1907 г. в должности старшего помощника надзирателя акцизных сборов перевелся в город Вологду, забрав с собой мать — Елену Ивановну.

Конопасевич Людмила Данииловна получила образование в Белостокском институте. В 1884 г. вышла замуж за старшего помощника акцизного надзирателя Минской губернии Швецова. Скончалась в 1900 г., не оставив после себя детей.

Не было покрыто забвением и имя псаломщика Федора Юзефович.

В начале 1903 года его младшая дочь Мария, учительница Свирянской церковно-приходской школы Слонимского уезда, обратилась в Минскую духовную консисторию с просьбой разрешить ей «поставить памятник на земле, принадлежащей к Святовольской церкви», своему отцу, так как могила его находится под церковью, а ей хотелось бы иметь видимый знак погребения своего родителя. Мария Федоровна предложила и надпись на предполагаемом памятнике: «На сем месте умер в 1863 г. от польских мятежников за веру и отечество Федор Юзефович». Минская духовная консистория дала свое разрешение на установку памятника. Но дочь Федора Юзефовича ошибалась. Могила ее отца оставалась там, где и была, в деревне Великая Гать. Эта ошибка объясняется, видимо, тем, что Юзефовичи, покинув деревню, не поддерживали связи с ее жителями. С тех пор прошло уже 40 лет и естественно, что воспоминания людей притупились. Тем более, Мария Федоровна, будучи младшей дочерью, вообще имела смутные представления о месте захоронения своего отца.

С течением времени память о священнике-мученике Данииле и о псаломщике Федоре Юзефовиче не замирала¹¹¹. Помнили о Данииле Конопасевиче и в Минской духовной семинарии, где имя его всегда с теплым чувством вспоминали в ряду ее славных воспитанников, ставших известными деятелями на разных поприщах церковного, общественного и государственного служения.

Воспоминания о священнике-мученике еще более оживились в начале XX столетия, когда после выхода в апреле 1905 года известного Указа «Об укреплении начал веротерпимости»

¹¹¹ Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью Западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения 1839 г. – СПб., 1889 и др.

в западных областях империи стала активно меняться национально-конфессиональная обстановка. Так, в Белоруссии в это время заметно активизировалась польская и католическая пропаганда, и стали массовыми случаи перехода из православия в католичество и иудейство. В селах искусственно открывались польские школы, часто там, где в этом не было совершенно никакой потребности, и при этом во многих случаях открывались в обход закона, тайно. Ксендзы раздавали народу листовки с призывами переходить в католичество, распространяли слухи о якобы законном восстановлении унии. Помещики-поляки оказывали разного рода давление на своих крестьян. Так, например, некоторые помещики соглашались сдавать свои земли в аренду крестьянам только в том случае, если последние примут католицизм. Вот что писал о создавшейся ситуации обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев: «...отпадения лишь в редких случаях зависят от сознательного убеждения. А на окраинах наших они совершаются без всякого убеждения, давлением на массу. Давлением от помещиков, чиновников, ксендзов, там, где прошла рука польского владычества, как в Северо-Западном крае, на массу, состоящую в материальной зависимости»¹¹².

Когда все более и более нарастающая польско-католическая пропаганда стала печальной реальностью, а национальные и конфессиональные проблемы вновь обострились, в церковной среде начала пробуждаться и историческая память. Тогда вновь вспомнили о священнике-мученике Данииле Конопасевиче. Одной из первых публикаций, посвященных памяти отца Даниила, стало стихотворение А. Петрова¹¹³, напечатанное в 1907 году в «Братском Листке» — печатном органе учрежденного в

¹¹² Цит. по: *Ореханов Георгий, иерей*. На пути к Собору. — М.: изд. Правосл. Свято-Тихоновского Богослов. института, 2002. — С. 73.

¹¹³ *Петров А.* Памяти мученика за веру и народность отца Даниила Конопасевича священника с. Богушевичи Игуменского уезда // Братский Листок. — 1907. — №6. — С. 3.

том же году в Минске Православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня. Причиной появления этого братства как раз и послужили события, связанные с последствиями упомянутого Указа 1905 года. Вот какие строки автор посвятил памяти отца Даниила.

Незаметный герой в небогатом селенье
Нашей Минской губернии жил —
Пастырь добрый, учивший о вечном спасенье,
Чистый сердцем — отец Даниил.

Было время крамолы врагов православья:
Бунт затеяла польская знать,
Омраченная злобой и чувством тщеславья,
Силясь Польшу былую создать.

Там, где исстари русское царство сложилось,
Колыбель нашей веры была,
Вдруг повстанцев мятежная шайка явилась
И народ на мятеж подняла.

Издеваясь позорно над Божьими храмами,
Православную веру хуля,
Отбирали ксендзы наши церкви обманами;
Орошалась слезами земля.

Незаметный герой небольшого селенья,
С чисто русской душой, молодой —
Иерей Даниил не стерпел оскорбленья:
Его голос звучал над толпой.

«Не пугайтесь, прихожане, дети любимые,
Исполняйте, что я говорю:
Пострадаем за веру святую гонимые,

Будем русскому верны Царю!»
Передав прихожанам свое вдохновенье,
В волостную избу их собрал,
И о польском господстве панов объявленье
Снял и в клочья его изорвал.

«Не бывать здесь поляков господству надменному:
Русь не склонит своей головы!
Православную веру ксендзовству презренному
Не дадите в обиду и вы».

Незаметный герой в небогатом селении
Подвиг жизни своей совершил...
Изуверами польскими в злом ослеплении
Был замучен отец Даниил.

На церковном дворе перед сыном малюткою,
Пред любимой женою своею
Был повешен под крики врагов с прибауткою
Православный герой — иерей.

Но за то, все, что он говорил, то и сбудется!..
Серебрясь лучезарной росой,
Его тихий могильный приют не забудется,
Орошаемый русской слезой¹¹⁴.

В это время в среде минского духовенства возникла идея увековечить память священника-мученика Даниила постройкой в Богушевичах часовни-памятника. На проходившем 3–10 октября 1908 года Минском епархиальном съезде духовенства священником Петром Сущинским (†1916) был поднят вопрос об установлении достойного памятника на

¹¹⁴ Там же.

могиле священника Даниила Конопасевича. По сообщению отца Петра, памятник, устроенный в 1870 году, пришел в плачевное состояние: покосился, надпись на нем истерлась, а ограда подгнила и обрушилась. Отец Петр заявил съезду о необходимости изыскать средства для постановки на могиле мученика нового, «достойного имени почившего, памятника» и устроить вокруг него ограду; торжественно обставить открытие и освящение и сделать торжество это не местным только, а общепархиальным. При обсуждении этого вопроса вспомнили и о другом «мученике за веру православную — псаломщике Юзефовиче». Предложение отца Петра Сущинского было поддержано духовенством, и тогда же был образован специальный Комитет по сбору пожертвований на строительство памятников священнику Даниилу Конопасевичу и псаломщику Федору Юзефовичу. Председателем Комитета был избран соборный протоиерей Владимир Успенский, а его членами — священник Заславской церкви Петр Сущинский и священник Богушевичской церкви Евгений Мальцев. Кроме подготовки проекта памятников и сбора необходимых средств, Комитету было поручено съездом как можно торжественнее отпраздновать освящение и открытие памятников, а также издать особый листок с описанием жизни и мученического подвига отца Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича. Сами памятники поручено было поставить не позднее весны или лета 1909 года. Кроме этого, участники епархиального съезда постановили «просить духовенство епархии занести имена священника Конопасевича и псаломщика Юзефовича в церковные поминальники для вечного поминовения, а в ближайший воскресный день ко дню их смерти совершать в церквях панихиды об упокоении их души с произнесением

¹¹⁵ Постановление Минского Епархиального съезда духовенства // Минские Епархиальные Ведомости. — 1908. — №20–21. — С. 717–720.

соответствующих поучений»¹¹⁵.

Однако едва благое дело было начато, как пришли и искушения. Появились непредвиденные препятствия, и все дело стало сильно затягиваться. Вот что писал отец Петр Сущинский в сентябре 1909 года на страницах «Минских Епархиальных Ведомостей» об искушениях, с которыми пришлось ему столкнуться: «Крепкими словами назвали меня и на страницах газет и в частной переписке. Грешен, не мог спокойно отнестись к незаслуженной обиде, кровью обливалось сердце, болела душа, падала энергия. Но твердое убеждение в том, что Минская епархия, по примеру Киевской и Волынской, должна увековечить память борцов за русское православное дело, никогда меня не покидала.

Я верю, что незабвенные могилы о. Конопасевича и Юзефовича будут украшены часовнями, где русскому православному человеку можно будет излить в молитве свою душу и помянуть самоотверженных страдальцев за отчизну»¹¹⁶.

Хлопотами отца Петра Сущинского епархиальным архитектором уже был составлен проект памятника-часовни, и собрано к 1910 году более 1000 рублей пожертвований.

Между тем Алексею Конопасевичу, проживавшему в то время в Вологде, стало известно о постановлении Минского епархиального съезда. С большой сердечной радостью и благодарностью воспринял он то внимание, какое оказало духовенство Минской епархии памяти его отца. Однако его смутило то обстоятельство, что съезд не совсем верно был проинформирован о состоянии могилы священника Даниила. Алексей Данилович написал письмо председателю учрежденного Комитета протоиерею Владимиру Успенскому, в котором изложил свои пожелания и в некотором смысле требования, как сына, относящиеся к обустройству могилы

¹¹⁶ Сущинский Петр, священник. Письмо в редакцию // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №18. — С. 461–462.

своего отца. В действительности гранитный памятник на могиле священника Даниила Конопасевича сохранился хорошо, совсем не имея следов разрушения, и был «вовсе не убогий» и «нисколько не покосился», а крепко и прямо стоял на своем фундаменте. Единственно, что поддавалось действию времени, это надписи на обеих сторонах памятника — позолота букв совсем исчезла, вследствие чего надписи потеряли свою ясность. Кроме того, полировка гранита, как креста, так и корпуса памятника, «совершенно выгорела», и памятник имел вид не блестящий, а матовый. Ограда же, как уже упоминалось выше, была совсем новая, дубовая.

Алексей Данилович обратился к председателю Комитета с просьбой не возводить никаких новых сооружений на могиле его отца. Он просил Комитет лишь несколько отреставрировать старый памятник: «Не трогая с места, заново отшлифовать и буквы его надписей позолотить чистым золотом». Если же полировка невозможна была без снятия памятника с места, то Алексей Данилович просил Комитет «ограничиться лишь одной позолотой букв и краев памятника». Деревянную ограду он просил заменить на железную кованую, «но не чугунную», так как кованая ограда более долговечна. Остаток же денег, собранных на памятник его отцу, после израсходования части их на реставрацию, он просил сохранить в качестве неприкосновенного фонда «для учреждения при Минской Духовной Семинарии из процентов с этого капитала ежегодной стипендии имени о. Даниила Конопасевича, имеющей назначаться наиболее религиозному и нравственному ученику 6-го класса этой семинарии»¹¹⁷.

Признавая за Алексеем Конопасевичем юридическое и нравственное право быть хозяином могилы своего отца, Ко-

¹¹⁷ Копия рапорта на имя Минской Духовной Консистории бывшего настоятеля Минского Кафедрального собора, протоиерея Владимира Успенского, от 7 мая 1910 года за №198 // Минские Епархиальные Ведомости. — 1910. — №21. — С. 436–437.

митет естественно согласился не сооружать нового памятника, а ограничиться реставрацией старого. Из остатков собранных денег действительно был образован неприкосновенный фонд, и в 1911 году при Минской духовной семинарии была учреждена стипендия имени священника Даниила Конопасевича, выдававшаяся одному из беднейших воспитанников, изъявлявшему желание посвятить свою жизнь пастырскому служению¹¹⁸.

Затянулось также и дело с устройством памятника на могиле Федора Юзефовича — установлен он был, не как предполагалось в 1909, а лишь в 1911 году. Сооружен памятник был, как сообщали газеты, «на средства, пожертвованные русскими людьми, патриотами». Его торжественное открытие и освящение состоялось 14 сентября 1911 года. На торжество в Великую Гать от Минского православного народного братства из Минска была послана депутация, состоящая из священника Петра Сушинского и отставного полковника Ивана Андреевича Манцветова.

По воспоминаниям старожилов деревни Великая Гать, памятник этот представлял собой большой, около двух метров позолоченный крест с распятием, установленный на каменном цилиндрической формы основании. На нем имелась надпись о том, что крест этот сооружен в память псаломщика Федора Юзефовича, замученного поляками в 1863 году. Установлен памятник был не на кладбище, где находилась могила Юзефовича, а в самом центре деревни на небольшой площади. Видимо устроители памятника не решились убирать величественный крест, поставленный на могиле Федора его родными.

В 1920-е годы, во время польской оккупации Западной Белоруссии, находившиеся здесь польские офицеры обратили внимание на надпись на памятнике. По их приказу он был

¹¹⁸ Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1911. — №13–14. — С. 272.

разобран: каменное основание разбито, а сам позолоченный крест со временем вывезен в Польшу.

Через некоторое время произошла следующая история. Местных парней стали призывать на службу в польскую армию. И вот как-то трое из таких призывников решили сделать своего рода «оброк» (обет), чтобы Господь благословил их и сохранил от всякой опасности во время службы. За ночь в лесу они вырубали топорами деревянный крест и к утру установили его возле того места, где стоял раньше памятник. Так этот обетный крест и остался стоять там на многие годы. Случай этот красноречиво свидетельствует о том, что местными жителями памятник-крест почитался как святыня.

Во времена советской власти обетный крест вместе с еще несколькими придорожными крестами был ночью спилен местными активистами и брошен в канаву. Обнаружив наутро, что креста нет, жители деревни разыскали его, достали из канавы и установили на кладбище, где он впоследствии и находился, пока не истлел совершенно.

В годы гонений на Церковь сия скорбная чаша не обошла стороной и Богушевичи. Безбожники сожгли деревянную Крестовоздвиженскую церковь и разорили каменную Свято-Даниловскую¹¹⁹. Памятник на могиле отца Даниила был развален и оказался в земле, и вместе с ним, казалось, было погребено и само воспоминание о священнике-мученике. Но мало этого, еще и само имя отца Даниила было покрыто клеветой. Показательно упоминание о нем, написанное Владимиром Короткевичем и Адамом Мальдисом. Вот что писали помянутые авторы в своем очерке о восстании 1863–1864 годов: «8 мая в двадцати верстах от Игумена, возле деревни Юревичи, загрела пятичасовая битва. Карателям удалось разгромить инсургентов. Были

¹¹⁹ Крестовоздвиженская церковь по сегодняшний день не восстановлена, а бывшая Свято-Даниловская — сегодня восстанавливается как католический костел.

захвачены пленные. Началась расправа. Один из раненых повстанцев просил пить, и тогда поп Конопасевич, руководствуясь, видать, учением о христианской милости, насыпал ему в рот песка»¹²⁰. Вот так, ни больше, ни меньше — руководствуясь «учением о христианской милости, насыпал ему в рот песка»...

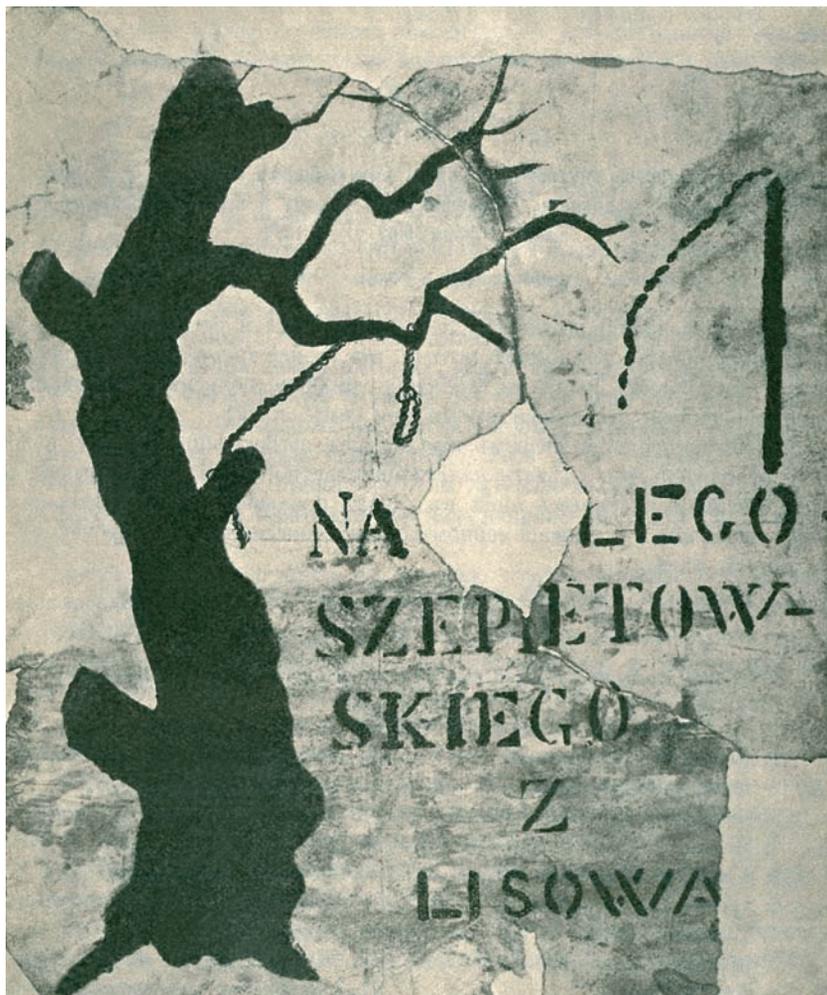
Однако несмотря на все, светлая память об отце Данииле не была затерта, и его доброе имя не исчезло бесследно. Так в 1980-е годы в Богушевичах сведения о священнике Данииле Конопасевиче начал собирать учитель Богушевичской средней школы Петр Авраамович Прибыткин (†2005). Он же и разыскал разрушенный памятник, занявшись со своим сыном Владимиром (†2004) восстановлением поруганной могилы. Вместе с ними активное участие в деле восстановления памятника приняли Божинский священник Константин Логис и его супруга Ирина Васильевна. Положенный сельским учителем почин поддержали жители Богушевич, и общими усилиями могила отца Даниила и памятник в 1999 году были восстановлены и освящены¹²¹.

Так же и в деревне Великая Гать по сегодняшний день возвышается на деревенском кладбище огромный деревянный крест, простоявший над могилой Федора Юзефовича почти полтора столетия¹²². Местные жители уже совсем не знают историю, происшедшую в далеком 1863 году, но среди них неизменно сохраняется особое почтение к этой могиле. Помнят они лишь о «каком-то» повешенном человеке, да еще о «золотом кресте», что стоял когда-то в их деревне.

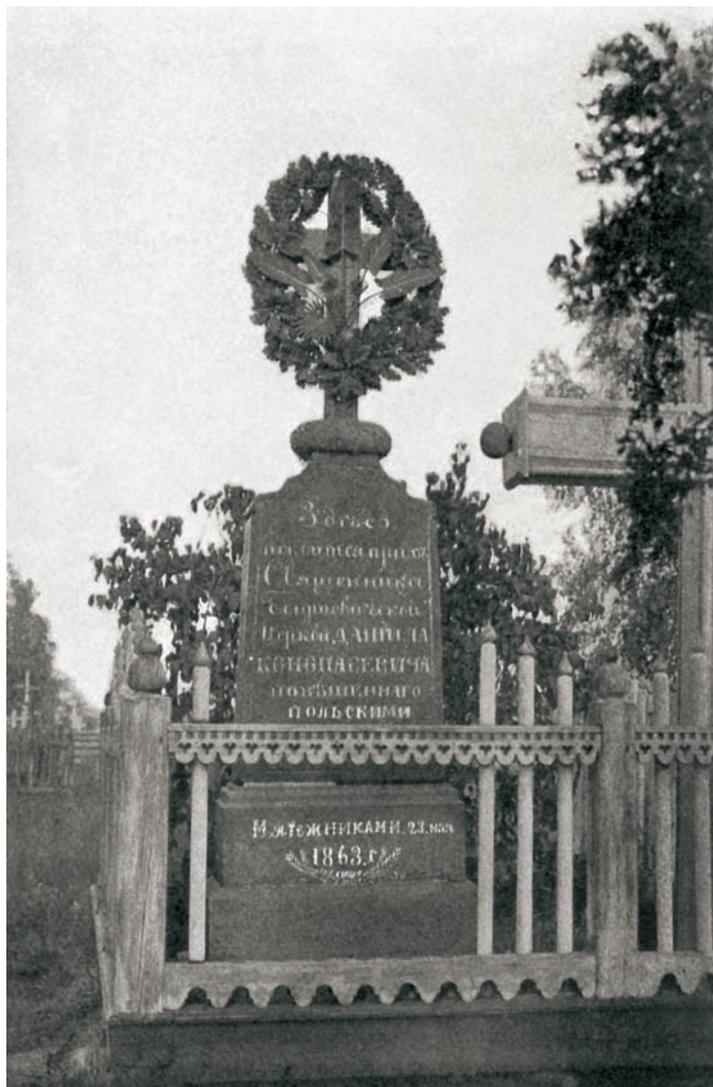
¹²⁰ Караткевич У., Мальдзіс А. Горад паўстае 1863–1864 гг. / Горад і годы. — Мінск, 1967. — С. 25.

¹²¹ Бычкоўскі А. Загінуў за веру і любоў да айчыны // Сцяг Леніна. — 1999. — (27 лістапада).

¹²² Сейчас крест почти на метр меньше прежнего. Со временем он подгнил у основания и обломился, так что местным жителям пришлось вкопать его снова, за счет чего он потерял в своей высоте.

Подобные листовки поляки распространяли накануне восстания 1863–1864 гг.

Памятник на могиле священника Даниила Конопасевича (фото начала XX в.). Справа, в ограде, виден крест над могилой священника Иоанна Рункевича, скончавшегося в 1874 г.

Вид восстановленного памятника на могиле священника Даниила Конопасевича (фото 2005 г.)

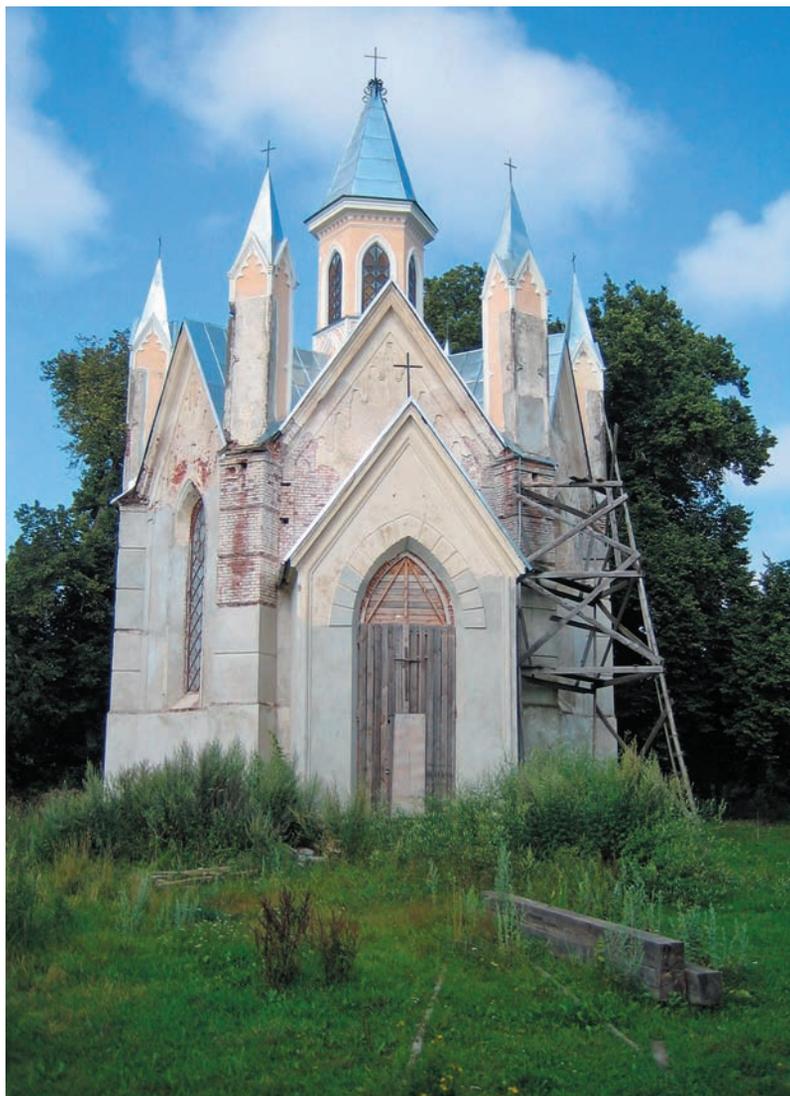
Вид памятника на могиле священника Даниила Конопасевича с обратной стороны (фото 2005 г.)

Вид памятника на могиле священника Даниила Конопасевича с боковой стороны (фото 2005 г.). В верхней части, справа, видны следы вандализма

Храм в честь святого пророка Даниила, переделанный и освященный в 1869 г. из католического костела (фото XIX в.)

Бывший храм в честь святого пророка Даниила, переделанный и освященный в 1869 г. из католического костела. Ныне восстанавливается как католический храм (фото 2005 г.)

**Вид на речку Уса с места, где располагалась усадьба помещиков
Свенторжецких**

Источники и литература

1. А.Л. Пастыри-мученики // Церковные Ведомости. — 1909. — №16. — С. 697–701.
2. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 года по май 1863 года. — Вильно, 1913. — 464 с.
3. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — 466 с.
4. *Афанасий (Мартос), архиепископ.* Беларусь в исторической и государственной жизни. — Минск, 1990. — 292 с.
5. *Белецкий А.В.* Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. — Вильно, 1902. — 83 с.
6. *Бычкоўскі А.* Загінуў за веру і любоў да айчыны // Сцяг Леніна. — 1999. — (27 лістапада).
7. *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863–1864 гг. — <http://www.portal-slovo.ru>
8. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Сборник документов / [АН СССР, Ин-т славяноведения и др.: предисл. Ю. Жюгжды, В. Неупкоева; редкол.: В. Дьяков и др.]. — М., Вроцлав: Наука, 1965.
9. *Казакевич А.Д.* Православная Церковь в Белоруссии накануне и во время восстания 1863–1864 гг. — Жировичи, 2000 (рукопись).
10. *Караткевіч У., Мальдзіс А.* Горад паўстае 1863–1864 гг. / Горад і годы. — Мінск, 1967. — С. 15–28.
11. К истории польского восстания 1863 г. (Неизвестная рукопись Оскара Авейде: «Краткий очерк последних событий в Польше 1861–1864 гг.») // Красный архив. — 1933. — №2. — С. 110–139.
12. *Конопасевич А.* Воспоминания о жизни и мученичес-

- кой кончине в 1863 году священника Богушевичской Крестовоздвиженской церкви Минской губернии Даниила Стефановича Конопасевича, записанные сыном его, Алексеем Конопасевичем, 15-го ноября 1908 года со слов очевидицы его смерти, жены его, Елены Ивановны // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №1. — С. 7–26. (В 1909 г. в Минске отпечатан отдельный оттиск в 1000 экз. в виде брошюры.)
13. Копия рапорта на имя Минской Духовной Консис­тории бывшего настоятеля Минского Кафедрального собора, протоиерея Владимира Успенского, от 7 мая 1910 года за №198 // Минские Епархиальные Ведомости. — 1910. — №21. — С. 433–440.
 14. *Коялович М.О.* О мученической смерти дьячка Федора Иозефовича Минской губернии, Пинского уезда, Святовольского прихода. Со слов вдовы замученного Домны Иозифовичевой / Три мученические кончины // *День*. — 1863. — №29. — С. 11.
 15. *Коялович М.И.* Чтения по истории западной России. — Минск: «Беларуская Энцыклапедыя», 2006. — 480 с.
 16. Летопись Новоселковской Покровской церкви, Игуменского уезда // Минские Епархиальные Ведомости. — 1877. — №20. — С. 411–416.
 17. *Мальцев Евгений, священник.* На могилу о. Даниила Конопасевича // Минские Епархиальные Ведомости. — 1908. — №23. — С. 766–771.
 18. *Миловидов А.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. — Харьков, 1900. — 92 с.
 19. *Московские Ведомости.* — 1863. — №142. — С. 3.
 20. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26597; 30545; 36964; 40734; 40834; 43134.
 21. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 147. Оп. 3. Д. 20104.

22. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 160. Оп. 1. Д. 525; 753.
23. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1638.
24. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 296. Оп. 1. Д. 31; 56.
25. Об убийстве польскими мятежниками священника Конопасевича // Московские Ведомости. — 1863. — №128. — С. 2.
26. Освящение церквей в Юревичах и Богушевичах, Игуменского уезда // Минские Епархиальные Ведомости. — 1869. — №13. — С. 401–405.
27. Памятник на могиле псаломщика Юзефовича // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1911. — №13–14. — С. 272.
28. *Пастернацкий Иларион, священник*. Письмо в Редакцию // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №1. — С. 29–35.
29. *Пастернацкий Роман, священник*. Речь, по случаю освящения памятника на могиле священника Даниила Конопасевича, в воспоминание его смерти от поляков, сказанная 23 мая 1870 года в местечке Богушевичах // Минские Епархиальные Ведомости. — 1870. — №14. — С. 364–367.
30. *Пастернацкий Роман, священник*. Торжественное внесение иконы, пожертвованной Государем Императором в Богушевичскую церковь, и освящение памятника на могиле пострадавшего от мятежников священника Даниила Конопасевича // Минские Епархиальные Ведомости. — 1870. — №14. — С. 354–357.
31. *Петров А.* Памяти мученика за веру и народность отца Даниила Конопасевича священника с. Богушевичи Игуменского уезда (стихотворение) // Братский Листок. — 1907. — №6. — С. 3.

32. Пинск. Памятник герою-мученику // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1911. — №18. — С. 345.
33. Письмо в редакцию. (Касательно инициативы свящ. Петра Сушинского о постройке нового памятника свящ. Д. Конопасевичу) // Минские Епархиальные Ведомости. — 1910. — № 23. — С. 468.
34. П[ротоиерей] И[оанн] Ф[илиповский]. Смерть отца Канапосевича // День. — 1863. — №24. — 12–13.
35. П[ротоиерей] И[оанн] Ф[илиповский]. Страдания православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские Епархиальные Ведомости. — 1863. — №12. — С. 417–423.
36. Польские дела // Московские Ведомости. — 1863. — №109. — С. 2.
37. Постановление Минского Епархиального съезда духовенства // Минские Епархиальные Ведомости. — 1908. — №20–21. — С. 717–720.
38. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью Западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения 1839 г. — СПб.: Синод. тип., 1889.
39. Речь по освящении храма в селе Богушевичах, Игуменского уезда, сказанная Преосвященнейшим Александром, Епископом Минским и Бобруйским, 30 июня 1869 года // Минские Епархиальные Ведомости. — 1869. — №13. — С. 397–401.
40. Рункевич Иоанн, священник. Речь, сказанная 23-го мая 1870 года, во время поставления в Богушевичской церкви иконы, присланной от Государя Императора // Минские Епархиальные Ведомости. — 1870. — №14. — С. 358.
41. Рункевич Иоанн, священник. Слово в день поставления в Богушевичской церкви иконы, присланной от Государя Императора, сказанное 23 мая 1870 года //

- Минские Епархиальные Ведомости. — 1870. — №14. — С. 359–364.
42. С[вященник] П[етр] С[ущинский]. К воспоминаниям о священнике Богушевичской церкви Д. Конопасевиче // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №11. — С. 262–273.
43. Скрынченко Д. Ф.Я. Юзефович (повешен поляками 1 июня 1863 г.) // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №11. — С. 273–274.
44. Слово при освящении храма в м. Богушевичях // Минские Епархиальные Ведомости. — 1869. — №13. — С. 405–409.
45. Смирнов А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. — Москва: изд. Акад. наук СССР, 1963. — 391 с.
46. Станкевич В.Г. Письмо в Редакцию // Минские Епархиальные Ведомости. — 1910. — №1. — С. 19–21.
47. Сущинский Петр, священник. Письмо в редакцию // Минские Епархиальные Ведомости. — 1909. — №18. — С. 461–462.
48. Трещенок Я.И. История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период: Учебное пособие. — Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. — 176 с.
49. Утрата С., диакон. Восстание 1863–1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии (кандидат. дис.). — Жировичи, 2000 (рукопись).
50. По поводу сооружения памятника свящ. Даниилу Конопасевичу // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1909. — №2. — С. 30.
51. *Fajnhauz David*. 1863: Litwa i Bialorus / Inst. Historii PAN. — Warszawa: Neriton, 1999.
52. 1863 год на Міншчыне (Rok 1863 na Minszczyźnie) / J. Witkowski і інш. — Мінск, 1927. — 216 с.

Содержание

К читателю.....	3
Глава I. Вехи истории.....	7
Глава II. Иерей-мученик Даниил.....	27
Глава III. Псаломщик Федор Юзефович.....	59
Глава IV. Память.....	67
Источники и литература.....	91

Религиозное издание

Щеглов Гордей Эдуардович
Год 1863. Забытые страницы
2-е издание, дополненное

Художественное оформление
Г.Э. Щеглов, Е.В. Шабад
Печатается в авторской редакции

Макет подготовлен редакцией студенческого журнала
Минских Духовных Академии и Семинарии
«СТУПЕНИ»
Верстка — В.В. Долгополов, Д.А. Нецветаев

Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви.
Лицензия ЛИ №02330/0133229 от 30.04.2004.
220020, Минск, пр-т Победителей, 82,
т. 228-58-91; т./факс 250-14-18.
E-mail: opam@anitex.by